

В. М. Ляска

**«...земля Божия и твоя и города твои...»:
Всеволожская волость
князя Владимира Васильковича
(историко-археологическое исследование)**

В работе характеризуется летописная Всеволожская волость, известная в позднесредневековых источниках под названием «*districtus Schewlozensis*». На основе письменных источников XIII–XV вв. рассмотрено формирование территории и реконструированы границы исследуемого региона. Проведен анализ структуры заселения, в частности, определены ранги населенных пунктов по площади распространения культурного слоя и индекс их ближайшего соседства. Кроме того, внимание уделено дифференциации поселений по типам топографического размещения и влиянию гидропосети на развитие пространственно-территориальной организации Всеволожской волости.

Ключевые слова: Всеволож, Всеволожская волость, *districtus Schewlozensis*, территориальная организация, структура заселения, городище, поселение, ранжирование поселений по площади распространения культурного слоя, анализ ближайшего соседства, топография, гидросеть.

Вопрос территориальной организации Галицко-Волынской земли в современных условиях развития украинской медиевистики, как правило, находится на обочине исторических исследований. Особенно актуальной в исследованиях такого направления является проблема разделения русских земель или княжеств на отдельные волости, которые, по словам А. Янечека выполняли «роль модуля территориальной структуры, базовой, многофункциональной и очень длительной единицы, что формировала скелет пространственной государственной системы»¹. Кроме того, изучение территориального «обустройства» русских волостей часто переплетается с

¹ *Janeczek A.* Osadnictwo pogranicza polsko-ruskiego. Województwo Belzkie od schyłku XIV do początku XVII w. Warszawa, 1993. S. 29.

проблематикой формирования княжеских домениальных земель, что в свою очередь создает дополнительные трудности для определения методики и направления исследований такого рода.

Учитывая актуальное состояние историко-археологических исследований, считаем, что в основе реконструкции территориальной организации Галицко-Волинского государства должен лежать, прежде всего, синтез письменных и археологических источников. Полагаем, что письменные сведения создают своеобразные контуры исследуемых территориальных единиц, основная же задача археологии – наполнить эту матрицу «материальным» содержанием, фундаментом для которого, по нашему глубокому убеждению, должен стать комплексный анализ структуры заселения, в частности ее пространственный аспект². Такое же видение синергетического направления в исследованиях поселенческих структур изложено в трудах Г. Янкуна, который считал, что в области «историко-генетических исследований заселения» история, археология и география «должны действовать бок о бок»³.

По нашему мнению, указанный выше ракурс исследования является оптимальным для рассмотрения летописной Всеволожской волости, территориального образования в верховьях Западного Буга, которое в позднесредневековых источниках известно под названием «*districtus Schewlozensis*». Наверное, едва ли не единственным исследователем обозначенной тематики можно считать Т. Кострубу, который на основе письменных источников проследил преемственность тради-

² Ляска В. 1) Підгорайська волость: спроба історико-археологічної реконструкції територіальної організації Грядового Побужжя в княжу добу // Археологічні дослідження Львівського університету. Львів, 2012. Вип. 14–15. С. 108; 2) *Districtus Podhoraensis*: до проблеми територіальної організації Галицько-Волинського порубіжжя у XIII–XIV століттях // Княжа доба: історія і культура. Львів, 2013. Вип. 7. С. 109–110.

³ Jankuhn H. Wprowadzenie do archeologii osadnictwa // Biblioteka Muzealnictwa i ochrony zabytków). Warszawa, 1983. Seria B. T. LXXIV. S. 17–18.

ций территориальной организации древнерусского времени во Всеволожском повете XIV–XV вв.⁴

*Письменные источники к изучению
Всеволожской волости-повета*

Впервые на страницах летописи Всеволож появляется в 1097 г. в контексте событий, связанных с ослеплением теребовельского князя Василька Ростиславича из-за подстрекательства Давида Игоревича. Опасаясь возмездия за это преступление, волынский князь предложил Васильку отговорить Святополка Изяславича и Владимира Мономаха от возможного похода, за что пообещал передать ему «которые любо городъ. любо Всеволожь любо Шеполь. любо Перемиль»⁵. В эпицентр этого же конфликта Всеволож попал весной 1098 г., когда «прииде Володаръ и Василко на Давыда. и приидоста ко Всеволожою. а Двудь затворися оу Володимере. онема же ставшима около Всеволожа. и взяста копьемь городъ. и зажьгоста огнемь. и выбегоша людье огня. и повеле Василко вся исещи. и створи Василко мыщенье на людьехъ неповинныхъ. и проля кровь неповинну»⁶. Последнее летописное упоминание о Всеволоже датируется 1287 г., когда луцкий князь Мстислав Данилович «даеть городъ. Всеволожь бояромь. и села роздаваеть»⁷.

Собственно, приведенными выше сведениями и ограничиваются летописные свидетельства о Всеволоже и его волости. Тем не менее, существует возможность использовать

⁴ *Коструба Т.* 1) Белз і Белзька земля від найдавніших часів до 1772 року. Нью-Йорк; Торонто, 1989. С. 106–108; 2) Всеволож і Всеволозька волость // Записки наукового товариства імені Шевченка. Праці Історико-філософської секції. Львів, 1991. Т. ССХХІІ. С. 308–312.

⁵ Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ). СПб., 1908. Т. II. Ипатьевская летопись. Стб. 239.

⁶ Там же. Стб. 241–242.

⁷ Там же. Стб. 900.

позднесредневековые источники, информация которых имеет существенное значение для реконструкции территории и границ Всеволожской волости.

Впервые в позднесредневековых источниках Всеволож появляется у 1377 г. под названием «Sewoloż»⁸ или «Selwilcz»⁹ при описании похода венгерского короля Людовика I Анжуйского на белзского князя Юрия Наримунтовича. Примечательно, что потеря в названии «Всеволож» украинского полногласия и его преобразование в «Севолож» характерна и для Всеволожа, известного в Черниговской земле¹⁰.

Следующие упоминания об этом «граде» связаны с деятельностью мазовецкого князя Земовита IV, который в 1395 г. засвидетельствовал, что ему принадлежат «Belz, Lubaczow, Busko, Grabowiec, Hrodło, Szewolsch et Lopathin»¹¹. В 1396–1397 гг. Всеволож снова фигурирует в списке его владений¹². О весомом административном статусе Всеволожа говорит и титулатура белзского князя Казимира II Земовитовича («Casmirus II Masoviae et Russiae dux, terrarum Belzensis, Lubaczoviensis, Busznensis, Sewloszensis, Graboviecensis et Plocensis dominus et haeres Lopatiensis»), зафиксированная в гра-

⁸ Rocznik Kujawski. Wydał A. Bielowski // Monumenta Poloniae historica. Lwów, 1878. T. III. S. 212.

⁹ Hermanni de Wartberge Chronicon Livoniae / Hrsg. von E. Strehlke // Scriptorum rerum Prussicarum. Leipzig, 1863. Bd. II. P. 112.

¹⁰ Книш Я. До питання про локалізацію Всеволожа-Севоложа // Галицько-Волинська держава: передумови виникнення, історія, культура, традиції: тези доповідей та повідомлень міжнар. наук. конф., Галич, 19–21 серпня 1993 р. Львів, 1993. С. 104.

¹¹ Articuli Vladislao regi Polonie a ducibus Masoviae traditi A. D. 1426 et 1428. Wydał dr. W. Kętrzyński // Monumenta Poloniae historica. Kraków, 1893. T. VI. S. 630.

¹² Kodeks dyplomatyczny Księstwa Mazowieckiego, obejmujący bulle papieżów, przywileje królów polskich i książąt mazowieckich, tudzież nadania tak korporacyj jako i osób prywatnych / wyd. J. T. Lubomirski. Warszawa, 1863. № CXXXV, CXXXVI. S. 117–120.

моте 1442 г. о предоставлении села Вербяж Яну Магере с Пероводова¹³.

На 1462 г., приходится последнее упоминание о Всеволожском повете, когда после смерти последнего мазовецкого князя Владислава Владиславовича состоялась инкорпорация Белзской земли Короной Польской. В акте, фиксирующем эти территориальные изменения, видим, что к Белзской земле на то время принадлежало пять поветов, в частности Всеволожский («*Terram nostram Belzensem, cum ipsius districtibus Lubaczoviensi, Łopaczoviensi, Schewloziensi, Grabownicensi, et Hrodliensi*»)¹⁴.

Другая группа письменных источников дает нам возможность детально реконструировать территорию и границы позднесредневекового Всеволожского повета. Локация последних, очевидно, изначально была позаимствована из древнерусского времени, а значит, они имели длительные и стабильные традиции существования и были адаптированы к местному географическому и поселенческому пространству (рис. 1). В этом контексте одной из наиболее важных является грамота, выданная 30 мая 1440 г. Казимиром II Земовитовичем, в которой он дарил бускому старосте Андрею с Опольска «*villas Zamosczie Graboviensis et Conotopa Schewlozensis (Socaliensis) districtuum cum area Grodzisko*»¹⁵. Формула «*Schewlozensis (Socaliensis) districtuum*» является чрезвычайно ценной, учитывая возможность территориальной идентичности Всеволожского и Сокальского поветов в первой половине XV в., тем более что в этом документе зафиксирована единственная привязка села именно к административному образованию с центром во Всеволоже. Примечательно, что в другом акте об этом предоставлении, изданном тогда же Владисла-

¹³ *Matricularum Regni Poloniae Summaria, excussis codicibus, qui in Chartophylacio Maximo Varsoviensi asservantur, contextuit indicesque adiecit Teodorus Wierzbowski. Varsoviae, 1915. Pars IV. Vol. III. № 759. P. 392.*

¹⁴ *Volumina Legum. Przedruk zbioru praw staraniem XX. Pijarów w Warszawie, od roku 1732 do roku 1782, wydanego. Petersburg, 1859. T. I. S. 91.*

¹⁵ *Matricularum Regni Poloniae Summaria... Pars IV. Vol. III. № 739. P. 390.*

вом І Земовитовичем, ми видим административне определение Конотопов лишь в пределах Сокальского дистрикта (*Sokaliensis districtus*)¹⁶.

Первое упоминание о Сокале датируется 1377 г.¹⁷, а уже в 1397 г. он был центром одноименного повета, в состав которого входили села Первятичи, Бодячев и Лещатов¹⁸. В 1408 г. мазовецкий князь Земовит IV подарил Николаю с Гурки Бышев «in districtu nostro Soccaliensi»¹⁹, такое же административное определение имело и село Торки, упомянутое в акте 1493 г.²⁰ Кроме того, по информации П. Домковського, к Сокальскому повету в XV в. принадлежали также Бобятин, Кошин (современная территория Сокаля) и Псучин (теперь относится к Бобятину)²¹ (рис. 1).

После событий 1462 г. часть территории Всеволожского (Сокальского) повета вошла в состав Белзского дистрикта, а на других землях было создано Сокальское негородовое староство²², к которому по данным люстрации 1564–1565 гг. принадлежали королевщины Хоробров, Скоморохи, Ильковичи, Завишня, Поторица, Поздимир, Радванцы, Воля Радванская и Стоянов²³ (рис. 1). Следует вспомнить довольно интересное мнение К. Соханевича о территориальной тождественности

¹⁶ Ibid. № 740. P. 390.

¹⁷ Zbiór dokumentów małopolskich / Wyd. S. Kuraś. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1974. Cz. IV: Dokumenty z lat 1211–1400. № 1038. S. 192–193.

¹⁸ Ibid. № 1127. S. 297–299.

¹⁹ Akta grodzkie i ziemskie z czasów Rzeczypospolitej Polskiej z archiwum tak zwanego bernardyńskiego we Lwowie w skutek fundacji śp. Alexandra hr. Stadnickiego (далее – AGZ). Lwów, 1872. T. III. № LXXXIII. S. 163–164.

²⁰ AGZ. 1906. T. XIX. № 2311. S. 415.

²¹ *Dąbkowski P.* Podział administracyjny województwa ruskiego i bełzkiego w XV wieku. Lwów, 1939. S. 161.

²² *Коструба Т.* Белз і Белзька земля від найдавніших часів до 1772 року. С. 108.

²³ *Capitaneatus Sokaliensis // Жерела до історії України-Руси. Описи королівщини в руських землях XVI віку / вид. під ред. М. Грушевського. Львів, 1900. Т. III: Люстрації земель Холмської, Белзької і Львівської. С. 218–237.*

Всеволожского повета XV в. и Сокальского староства XVI в.²⁴ Разумеется, о полном наложении границ этих административных образований говорить не приходится, однако было бы преждевременным изымать перечень сел Сокальского староства из круга источников в деле реконструкции Всеволожской волости-уезда.

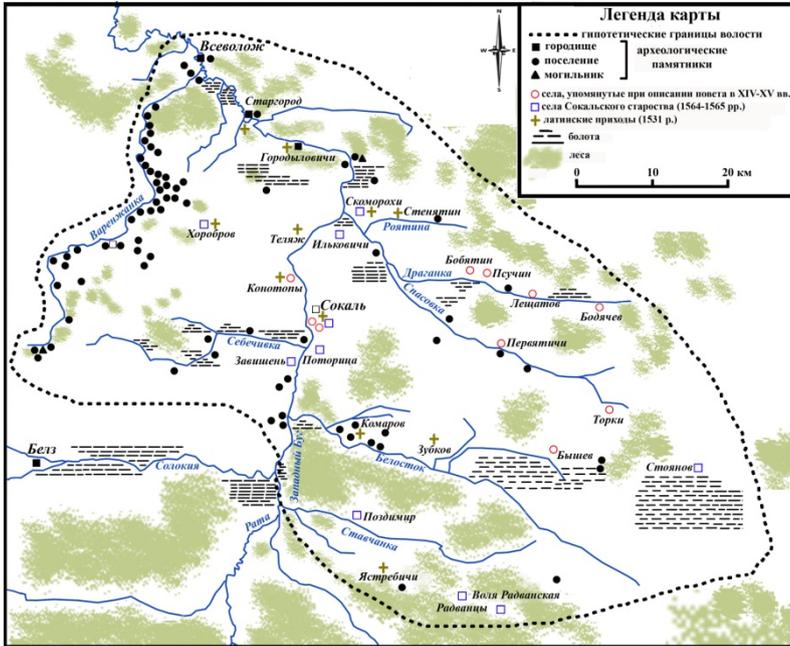

Рис. 1. Всеволожская волость по письменным и археологическим источникам.

В этом случае мы не вправе пренебрегать и церковной, в частности приходской, организацией, которая, согласно исследованиям А. Розвалки, всегда тяготеет к синхронным поселенческим структурам и пребывала с ними в неразрывной

²⁴ Sochaniewicz K. O kolebce rodu Zamoyskich i Piwach – Prawdzicach na Rusi // Narodziny Zamościa w pracach Kazimierza Sochaniewicza. Opracował, wstępem i bibliografią opatrzył Kazimierz Kowalczyk. Zamość, 2007. S. 32–33.

связи²⁵. Поскольку у нас нет возможности оперировать информацией о позднесредневековой территориальной организации Православной церкви у Всеволожской волости-повете, попытаемся провести обозначенную корреляцию, основываясь на пространственном распределении римско-католических приходов с центрами в Сокале и Старгороде.

Латинский приход в Сокале был учрежден не позднее 1409 г.²⁶, по люстрации 1531 г. в его состав входили Скомо-рохи, Хоробров, Теляж, Стенятин за Бугом, Конотопы, Жаботин, Зубков, Комаров, Василонцы, Волчин, и Ястребичи²⁷. Кроме того, в источниках встречается информация о латинском приходском центре в Старгороде, к которому в указанное время входили Городыловичи, Дилцы, Витков и Ванов²⁸ (рис. 1).

Вероятно, зафиксирован на страницах письменных источников в XIV–XV вв. *districtus Schewlozensis* указывает на присутствие в верховьях Западного Буга отдельной единицы тогдашнего административно-территориального устройства.

Пользуясь методом ретроспективы, считаем возможным, утверждать о формировании территории и кристаллизации границ упомянутого повета еще в древнерусское время, не позднее от появления летописного упоминания 1287 г.

Нашу гипотезу подтверждает текст дарственной Владислава II Ягайло, в которой указано, что к владениям Земовита IV относились «*ducatu terras dominia districtus Civitates Castra Oppida videlicet beelsz. llyubaczow Buysszko hrabowyecz hrodlo. Sewlosz. llopaczyn in terra nostra Russie sita cum villis eorum prout ipsa et ipsorum quodlibet in suis metis longe lateque et circumferencialiter ab antiquo limitata sunt et distincta* (sic! –

²⁵ *Rozwałka A.* Sieć osadnicza w archidiakonacie lubelskim w średniowieczu. Studium archeologiczno-historyczne. Lublin, 1996. S. 29–61.

²⁶ *Janeczek A.* Osadnictwo pogranicza polsko-ruskiego. S. 40.

²⁷ *Polska XVI wieku pod względem geograficzno-statystycznym.* Warszawa, 1902. T. VII. Cz. I: Ziemie ruskie. Ruś Czerwona / Opisane przed Aleksandra Jabłonowskiego / Źródła dziejowe. T. XVIII. S. 241.

²⁸ *Ibid.* S. 246.

В. Л.)»²⁹. Еще более отчетливо традиции княжеской территориальной организации в польском административном пространстве иллюстрирует текст грамоты 1376 г., в которой Владислав Опольский предоставил во владение Яську Кмите с Виснича «castrum suum et oppidum Busko, cum toto eius districtu, in fluvio Bug in terra Lembergensi situm, *secundum quod antiquitus per serenissimos suos antecessores et duces Russie fuit limitatum* (sic! – В. Л.), cum omnibus eiusdem districtus»³⁰. Учитывая такие четкие формулировки в приведенных выше источниках, имеем серьезные основания для «переноса» границ позднесредневекового Всеволожского повета на почву русского территориального пространства³¹.

²⁹ Kodeks dyplomatyczny Księstwa Mazowieckiego... № CXXV. S. 118.

³⁰ Archiwum książąt Lubartowiczów-Sanguszków w Sławucie / wyd. pod kierownictwem Z. L. Radziwińskiego, przy współdziale P. Skobelskiego, B. Gorczaка. Lwów, 1897. T. V: 1513–1547. № V. S. 4. Такое однозначное указание встречаем и в грамоте 1354 г. польского короля Казимира III, согласно которой Ивану Пакославу и его потомкам передано "...opidum Rzeschouiensi cum suo toto district, in terra Russie situm, *secundum quod antiquitus per Serenissimos duces Russie extitit limitatum* (sic! – В. Л.), quibus divina clemencia legitimus successor extitimus". – Codex diplomaticus Poloniae quo continentur privilegia regum Poloniae, magnorum ducum Litvaniae, bullae pontificum nec non jura a privatis data illustrandis domesticis rebus gestis inservitura / ed. studio et opera L. Ryszczewski, A. Muczowski. Varsoviae, 1847. T. I. № CXIX, S. 210.

³¹ Пользуясь случаем, стоит упомянуть о концепции А. Янечека, который, анализируя динамику изменений поселенческой структуры Галицкой Руси после 1349 г., выделил два уровня трансформации административно-территориального устройства этих земель. Первый уровень, к которому принадлежит разделение на воеводства и земли, под влиянием политических факторов был переменчивым и не связанным с особенностями природной среды. Другой ранг территориального администрирования, а именно разделение на поветы («districtus»), равнозначные древнерусским городским округам – волостям, фиксирует максимальную приближенность их границ к среде и древней структуре заселения. По мнению исследователя, поветовая система второй половины XIV–XV вв. позаимствована из русских времен, а значит, имела продолжительные и стабильные традиции существования и была адаптирована к местному географическому и поселенческому пространству. В качестве подтверждения указанной генетической связи между древнерусскими волостями и поветами Короны Польской А. Янечек выдвигает ряд аргументов: 1) структура волостей, хотя и фиксируется полностью

***Всеволожская волость:
формирование территории и границ***

События 979 / 981 г., когда Владимир Святославич совершил поход «к Ляхомъ. и зая грады ихъ. Перемышль. Червень. и ины города»³², символизировали начало «окняжения» племенного ареала Волыни. Как следствие, в первой половине XI в. в верховьях Западного Буга возникает ряд городищ (Белз³³, Червен³⁴, Сутейск³⁵ и др.), основание которых было

в польских источниках, сразу представляет собой сложившуюся систему, глубоко укоренившуюся в местном пространстве; 2) упоминания о городских округах возникают непосредственно после экспансии Казимира III; 3) в документах Казимира III, Владислава Опольского и Владислава II Ягайло, написанных кириллицей, городские округа, обозначенные как волость (в латиноязычной терминологии соответственно *districtus*); 4) в период польского и венгерского присутствия нет сведений, подтверждающих широко-масштабную территориальную реформу на территории Галицкой Руси, для которой, не было ни времени, ни политических возможностей; 5) возникновение практически всех поветовых центров датируется древнерусским временем, что отчасти подтверждается и археологическими материалами. — *Janeczek A.* 1) *Terytoria i grody Rusi Halickiej w świetle źródeł późnośredniowiecznych* // Галицько-Волинська держава: передумови виникнення, історія, культура, традиції. Тези доповідей та повідомлень міжнар. наук. конференції, Галич, 19–21 серпня 1993 р. Львів, 1993. С. 105–107; 2) *Granice a procesy osadnicze: średniowieczna Ruś Halicka w polu interferencji* // *Początki sąsiedztwa. Pogranicze etniczne polsko-rusko-słowackie. Materiały z konferencji, Rzeszów, 9–11 V 1995.* Rzeszów, 1996. S. 292–293.

³² ПСРЛ. 1908. Т. II. Стб. 69.

³³ *Петегурвич В.* Початки Белза і Буська та формування їх соціально-топографічної структури в X–XIV ст. // Галичина та Волинь у добу середньовіччя. Історичні та культурологічні студії. Львів, 2001. С. 199–203.

³⁴ *Gurba J., Urbański A.* Nowe materiały do datowania drewnianych konstrukcji zespołu grodowego “Czerwień” w Czermnie nad Huczwą // *Archeologia Polski Środkowowschodniej.* Lublin, 1998. Т. III. S. 159–164; *Poleski J., Krapiec M.* Archeological and dendrochronological dating of selected early mediaeval from area of Małopolska // *Geochronometria.* Gliwice, 2000. P. 24–25.

³⁵ *Wartolowska Z.* Grod czerwieński Sutejsk na pograniczu polsko-ruskim / *Światowit.* Warszawa, 1958. Т. XXII. S. 114.

продиктовано процессами огосударствления и территориальной реорганизации завоеванных земель. К числу таких укреплений следует отнести и Всеволож³⁶, основанный Всеволодом

³⁶ Уже в конце XIX в. в научной среде начались дискуссии вокруг локализации летописного Всеволожа (см.: *Барсов Н.* Очерки русской исторической географии. География первоначальной летописи. Варшава, 1873. С. 105; *Андряшиев А. М.* Очерк истории Волынской земли конца XIV столетия. К., 1887. С. 57; *Грушевский М.* Волынский вопрос 1097–1102 г. // Киевская старина. К., 1891. Т. XXXIII. С. 52; *Иванов И. П.* Историческая судьбы Волынской земли с древнейших времен до конца XIV века. Одесса, 1895. С. 87; *Sokalski B.* Powiat sokalski pod względem geograficznym, etnograficznym, historycznym i ekonomicznym. Lwów, 1899. S. 424.), однозначное решение которых оставалось призрачным до предположения А. Демчука об идентификации этого города с пойменным городищем X–XI вв. недалеко от современного села Старгород Сокальского района Львовской области (*Демчук А.* Де лежав літописний Всеволож // Записки наукового товариства імені Шевченка. Праці Історико-філософської секції. Львів, 1991. Т. CCXXII. С. 304–307). Аналогичной точки зрения придерживались А. Цинкаловский, П. Раппопорт, и Р. Чайка с тем замечанием, что после уничтожения укреплений в Старгороде летописный Всеволож был отстроен вблизи современного села Литовеж Иваничовского района Волынской области, где в ур. Замок сохранилось городище XII–XV вв. (*Cynkalowski A.* Materiały do prazdiejów Wołynia i Polesia Wołyńskiego. Warszawa, 1961. S. 199; *Pannonopt П. А.* Военное зодчество западнорусских земель X–XIV вв. // Материалы и исследования по археологии (далее - МИА) СССР. М., 1967. № 140. С. 42–43; *Чайка Р.* Дослідження літописного городища Всеволож // Львівський археологічний вісник. Львів, 1999. Вип. 1. С. 88). Поддерживая первичную «старгородскую» локализацию этого пункта, Ю. Мердуч высказал гипотезу, что Всеволож основан Всеволодом Владимировичем в условиях конфронтации с отцом в противовес стольному граду Волынской земли во Владимире (*Мердуч Ю.* Всеволод Володимирович – правнук княгині Ольги // Треті «Ольжині читання». Львів, 2009. С. 50). Впрочем, С. В. Терский вообще исключает возможность расположения Всеволожа на пойменном городище в Старгороде и однозначно отождествляет его с городищем в ур. Замок (*Шеломенцев-Терський С. В.* Військова інфраструктура Волинського князівства в XI–XIV ст.: автореф. дис... доктора істор. наук. Львів, 2011. С. 18). Однако эти взгляды исследователей получили резкую критику со стороны Я. Кныша, который, учитывая параллельное существование в XV в. Всеволожа и Литовежа, ставил под сомнение как «литовежскую», так и «старгородскую» локализации упомянутого летописного пункта (*Кныш Я.* До питання про локалізацію Всеволожа-Севоложа // Галицько-Волинська держава... 1993. С. 105). Тем не менее, такие выводы Я. Кныша представляются нам преждевременными, учитывая несколько при-

Владимировичем³⁷, который на рубеже 980-990-х гг. получил в удел Вольтынь³⁸. Похоже на то, что в начале своего функционирования Всеволож был типичным сторожевым пунктом на южных рубежах Вольтыни и не играл значительной административной роли. Этот тезис подтверждается топографией городища в Старгороде, которое локализовано на небольшом возвышении (ур. Ливень), высотой до 3 м, среди поймы правого берега Западного Буга, и довольно бедным культурным слоем. Итак, даже само расположение укреплений не создавало благоприятных условий для административного центра, да и потом городище было непригодным для продолжительной жизнедеятельности, особенно в период весенних и осенних наводнений³⁹.

Как уже упоминалось, весной 1098 г. Всеволож был уничтожен войском Ростиславичей, однако вскоре укрепления были отстроены, правда, в 2 км ниже по течению Западного

чин. Прежде всего, городище в ур. Замок расположено не на территории современного села Литовеж, а в 2 км к юго-западу от него, и единственное, что их объединяет – это административная привязка археологического объекта, абсолютизация которой будет преувеличением. Характерно и то, что существование городища в ур. Замок не отрицало развития Литовежа в середине XV в., ведь на территории этого села известный и позднесредневековый замок, и вал, окружавший старую часть этого населенного пункта (Cynkalski A. Materiały do pradziejów Wołynia i Polesia Wołyńskiego. S. 201, 203). Очевидно, что связь между функционированием этих укреплений и формированием городской структуры Литовежа является более вероятным, чем апеллирование к древнерусскому городищу, которое в середине XV в. постепенно приходит в упадок и теряет свое военное и административное значение.

³⁷ *Раннопорт П. А.* Новые данные по исторической географии Вольтыни // Краткие сообщения Института археологии (далее – КСИА) АН СССР. М., 1964. Вып. 99. С. 57; *Коструба Т.* Всеволож і Всеволозька волость. С. 309; *Мердох Ю.* Всеволод Володимирович – правнук княгині Ольги. С. 50.

³⁸ *Рапов О. М.* Княжеские владения на Руси в X – первой половине XIII века. М., 1977. С. 37; *Войтович Л.* Княжа доба на Русі: портрети еліти. Біла Церква, 2006. С. 273.

³⁹ *Чайка Р.* 1) Літописне городище Всеволож на Західному Бузі // Археологічні дослідження на Львівщині. Львів, 1996. С. 75–77; 2) Дослідження літописного городища Всеволож. С. 87–89.

Буга – в ур. Замок⁴⁰. Новое городище, овальной в плане формы, размещалось на высоком мысоподобном выступлении плато, которое с южной, западной и восточной сторон окружено течением Западного Буга.

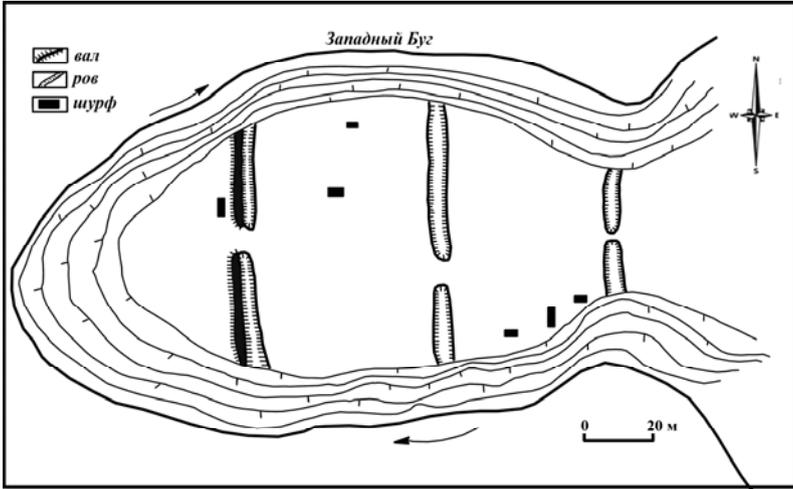

Рис. 2. Схематический план городища вблизи с. Литовеж (по: Чайка Р. Звіт про археологічні дослідження у верхів'ях Горині, Стиру, Зх. Бугу у 1979 р. // Науковий архів Інституту НАНУ. Львів, 1980. № 2002/100. Рис. 3). Компьютерная обработка автора.

С западной, восточной, стороны памятник отделен от плато двумя рвами и линией с вала, высотой 6–13 м, и рва. Глубина рвов колеблется в пределах 8–14 м, а расстояние между их берегами составляет 3–6 м. Интересно, что у обоих первых рвов не обнаружено насыпей, то есть следов или остатков их

⁴⁰ В этом русле следует вспомнить о традиции так называемого «переноса» городищ, которая является одним из признаков формирования административно-территориальной организации Киевской Руси в конце X – начале XI в. (Дубов И. В. К проблеме «переноса» городов в Древней Руси // Генезис и развитие феодализма в России. Ленинград, 1983. С. 70–82; Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю. Города-государства Древней Руси. Л., 1988. С. 39–40). Правда, эта аналогия в некоторой степени условна, так как в большинстве зафиксированных случаев очерченный «перенос» происходил путем построения феодальных укреплений городского типа в противовес старым племенным центрам.

формирования. Очевидно, выкопанная земля была использована для выравнивания поверхности мыса, в частности его южного склона. Во всех трех линиях обороны прослежен въезд, шириной до 4 м, который в первых двух случаях был похож на дамбу, образовавшуюся в результате засыпания рвов землей. Общая площадь территории, охваченной укреплениями, достигает 4,3 га (рис. 2). В процессе археологических исследований на территории памятника обнаружены остатки двух жилищ и многочисленный керамический материал, позволивший датировать время функционирования городища XII–XV вв.⁴¹

О времени возникновения Всеволожской волости можно говорить со значительной долей гипотетичности. Археологические источники фиксируют появление на этой территории значительного количества памятников уже с XI–XII вв., однако упомянутые процессы заселения не могут быть надежным индикатором наличия административной единицы⁴². Поэтому

⁴¹ Чайка Р. 1) Работы у с. Литовеж на Буге // Археологические открытия (далее – АО) 1979 г. М., 1980. С. 349–350; 2) З історії досліджень городища Литовеж // Галицько-Волинська держава (матеріали і дослідження). Львів, 1999. С. 63–67; 3) Чайка Р. Звіт про археологічні дослідження у верхів'ях Горині, Стиру, Зх. Бугу у 1979 р. // НА ІА НАНУ). № 2002/100. С. 1–5.

⁴² Изначально отметим, что в контексте временных рамок существования Всеволожской волости существуют определенные противоречия письменных и археологических источников. Основной дискуссионный момент заключается в датировке верхней хронологической границы подавляющего большинства городищ и селений очерченного региона, которая достигает середины XIII в. Обычно археологи связывают такое датирование с последствиями монгольских походов и именно поэтому постмонгольское время на Прикарпатье и Вольни выглядит как период стагнации в материальной культуре, запустения и умерщвления этой территории. Более того, в археологической литературе видим незначительное количество памятников второй половины XIII – первой трети XIV вв., времени, когда Галицко-Вольнское государство переживает свой политический расцвет. Как отмечает швейцарский славист К. Гёрке, одной из причин отсутствия памятников второй половины XIII–XIV вв. может быть то, что их расположение совпадает с территориями современных сел, большинство из которых возникла в это время (*Goehrke K. Wüstungsperioden des frühen und hohen Mittelalters in Osteuropa // Jahrbuch für Geschichte Osteuropas. Wiesbaden, 1968.*

в этом случае следует полагаться только на летописные сведения, указывающие на то, что в 1287 луцкий князь Мстислав Данилович «даеть городъ. Всеволожь бояромь. и села роздаваеть»⁴³.

Важной является предыстория этого события, ведь как следует из письменных источников, сначала эти земли принадлежали к владениям Владимира Васильковича, волынского князя в 1269–1288 гг. Однако под влиянием затяжной и «нечистой» в средневековой воображении болезни – лепры (проказы), которая не только ухудшала физическое состояние князя, но и символизировала его постепенное «исключение» из «мира живых»⁴⁴, Владимир Василькович в 1287 г. передал своему двоюродному брату Мстиславу Даниловичу «землю свою всю и городы по своемъ животе»⁴⁵. Словно подчеркивая символический статус социальной смерти Владимира Васильковича, луцкий князь в этом же году «даеть городъ. Всеволожь бояромь. и села роздаваеть», что вызвало гнев их законного владельца: «Володимероу же не любо бысть велико на брата. своего. и нача молвити. се лежю въ болести. а братью мои придалъ ми. и еще болшее болести. мне и еще. живоу соущоу. а онъ роздаваеть. городы мое и села. моа. ольны могль. по моему животее»⁴⁶. На возмущение своего брата Мстислав ответил, что «земля Божия и твоя и городи твои а я над ними не воленъ» и согласился на заключение ряда, по которому волынский удел должен был принадлежать ему уже после смерти Владимира Васильковича, которая наступила в 1288 г. Однако

Vd. 16. P. 30–50). Собственно поэтому слои XIV–XV вв. перекрыты современной застройкой, что создает дополнительные трудности для их археологической фиксации. Зато объекты XI – первой половины XIII в., для размещения которых ключевой была топография и хозяйственная целесообразность, в наше время распахиваются и, соответственно, имеют больше шансов попасть в научный оборот.

⁴³ ПСРЛ. 1908. Т. II. Стб. 900.

⁴⁴ См.: *Андрощук Ф., Чельстрем А.* «Се же бысть вторы Иевъ»: болезнь князя Владимира Васильковича и ее библейские параллели // *Ruthenica. K.*, 2007. Т. 6. С. 243–258.

⁴⁵ ПСРЛ. 1908. Т. II. Стб. 900.

⁴⁶ Там же. Стб. 900.

луцкий князь ненадолго пережил своего брата, умерев после 1292 г., вследствие чего волынские земли, очевидно, в том числе и Всеволож с волостью, перешли во владения Льву Даниловичу, который еще при жизни Владимира Васильковича претендовал на его удел⁴⁷.

Кроме сказанного выше, из летописных свидетельств можно сделать интересный вывод о социально-экономическом статусе Всеволожской волости, который заключается в ее принадлежности к княжеским домениальным землям Владимира Васильковича. Ключевым толчком для таких рассуждений стал термин «села», упомянутый в одном смысловом ряду с Всеволожем. Не вникая в анализ историографических дискуссий относительно социальной и экономической нагрузки дефиниции «село» в древнерусское время⁴⁸, считаем целесообразным согласиться с мнением когорты исследователей (В. В. Седова⁴⁹, И. И. Смирнова⁵⁰, Т. Н. Никольской⁵¹ и др.) о том, что этим термином определяли загородные владения и поселения, входящие в состав княжеского домена. Характерно и то, что «жизнь» того или иного князя, как правило, ассоциировалось с «селами», которые были его наследственной индивидуальной собственностью подобно западноевропейскому аллоду⁵². Дополнительными аргументами в пользу нашей гипотезы является значительное количество королевщин на территории Сокальского негородового староства и многочисленные топонимы (Ястребичи, Торки, Княже, Первятичи, Скомоорохи и др.), косвенно указывающее на наличие здесь домениальных владений. Хотя, несомненно, решение обозначенной

⁴⁷ *Войтович Л.* Княжа доба на Русі... С. 502.

⁴⁸ Библиографию см.: *Поляков Г. П.* Села-замки Древней Руси XI–XIII вв. Брянск, 2005. С. 6–21.

⁴⁹ *Седов В. В.* Сельские поселения центральных районов Смоленской земли (VIII–XV вв.) // МИА СССР. М., 1960. Вып. 92. С. 31.

⁵⁰ *Смирнов И. И.* Очерки социально-экономических отношений Руси XII–XIII веков. М.; Л., 1963. С. 15.

⁵¹ *Никольская Т. Н.* Земля вятичей: к истории заселения бассейна верхней и средней Оки в IX–XIII вв. М., 1981. С. 71.

⁵² *Толочко А. П.* Князь в Древней Руси: власть, собственность, идеология. К., 1992. С. 164–166.

проблемы выходит за рамки нашего текста и требует отдельного исследования.

После событий 1287 г., Всеволож почти на век выпал из поля зрения письменных источников и упоминается уже в 1377 г., когда во времени военной конфронтации между Людовиком I Анжуйским и Юрием Наримунтовичем его завоевало польское войско под предводительством Сендзивоя из Шубина⁵³. Тогдашняя принадлежность Всеволожской волости к владениям Юрия Наримунтовича, белзского князя в 1352–1377 гг.⁵⁴, предопределила судьбу этой административной единицы в политическом развитии позднесредневековой Белзской земли.

Следующие упоминания, теперь уже о Всеволожском дистрикте, связанные с деятельностью мазовецкого князя Земовита IV, который в 1388 г., после женитьбы на сестре польского короля Владислава II Ягайло – Александре Ольгердовне, получил в свое владение Белзскую землю. Однако, с конца XIV в. административное значение Всеволожа постепенно нивелируется, учитывая рост мощного центра в Сокаля⁵⁵, который уже в 1397 г. составлял центр одноименного повета и в 1424 г. получил магдебургское право. Собственно этим можно объяснить использование для обозначения одной территории параллельных названий Всеволожского (официального) и Сокальского (неофициального) поветов, зафиксированное в уже упомянутой грамоте 1442 г.⁵⁶ После смерти последнего

⁵³ Rocznik Kujawski. S. 212; Hermanni de Wartberge Chronicon Livoniae. P. 112.

⁵⁴ *Войтович Л.* Белзькі князі // Белз та Белзька земля. Белз, 2004. Вип. I. С. 75–76.

⁵⁵ Очевидно, начало Сокаля относится ещё к древнерусскому времени. Об этом, в частности, свидетельствуют остатки городища на правом берегу Западного Буга и обнаруженный неподалеку клад серебряных украшений конца XII – первой половины XIII вв. – *Багрій Р., Петегурич В.* Скарб срібних виробів княжої доби із Сокаля на Львівщині // *Studia archeologica.* Львів, 1993. Вип. 1. С. 42–44; *Петегурич В.* Дві рідкісні знахідки княжої доби із Сокаля на Львівщині // *Наукові студії: Збірник наукових праць / Історико-краєзнавчий музей м. Винники. Львів, 2011. Вип. 4. С. 254–267.*

⁵⁶ *Коструба Т.* Всеволож і Всеволозька волость. С. 310–311.

белзского князя Владислава Владиславовича в 1462 г. Всеволожский повет окончательно стал административным анахронизмом, как следствие, часть его земель присоединено к Белзскому дистрикту. Однако основное территориальное ядро бывшей княжеской волости-домена оказалось со статусом королевщины в составе новосозданного Сокальского негродового староства.

Относительно границ волости в княжескую эпоху, то их можно достаточно точно определить, пользуясь методом ретроспективы с привлечением позднесредневековых письменных источников. Однако следует учитывать и то, что Всеволожская волость, как и всякая древняя поселенческая структура, была максимально адаптирована к географической среде и ее пределы, как правило, создавали естественные препятствия, ведь по меткому выражению из «Попису границ межи Великого княжства Литовского и Коруны Польское в 1546 г.» «дороги не чинять границь, ено реки, болота, доли, горы и копцы»⁵⁷.

Северо-восточную границу волости можно довольно точно реконструировать на основе граничного акта 1366 г. о распределении волынских владений между Любартом Гедиминовичем и Казимиром III⁵⁸, данные которого на отрезке от Грубешева к Сокалю детализируют документы размежевания земель между Короной Польской и Великим княжеством Литовским 1546 г.⁵⁹ Этот кордон между Белзским поветом и Волынским воеводством в XVI в. простирался от «Молникова Литовижского до Литовежское границы», далее вниз по Бугу, а затем граница шла суходолом на юго-восток, оставляя по белзской стороне села Скоморохи, Бобятин, Лучицы, Первя-

⁵⁷ Попис границ межи Великого княжства Литовского и Коруны Польское в 1546 г. // Археографический сборникъ документовъ относящихся къ истории Северозападной Руси. Издаваемый при управлении Виленского учебного округа. Вильна, 1867. Т. I. С. 51.

⁵⁸ Archiwum książąt Lubartowiczów-Sanguszków w Sławucie. Lwów, 1887. Т. I: 1366–1506. № I. S. 1.

⁵⁹ Попис границ межи Великого княжства Литовского и Коруны Польское в 1546 г. С. 46–126.

тичи, Переспа и Торки⁶⁰. Такое размежевание хорошо сочеталось и с географическими факторами, особенно в северо-восточной части волости, где естественным рубежом служил водораздел между Спасовкой и Стрыпой (рис. 1).

Западную границу Всеволожской волости проводим по Варенжанке с тем замечанием, что только правый берег этой реки относился к ее территории. Такая реконструкция подтверждается и письменными источниками, в частности населенные пункты левого берега Варенжанки Косцяшин (1394 р.⁶¹) и Переводов (1435 р.⁶²) принадлежали уже к Белзской волости-повету. Южная граница, очевидно, начиналась от резкого поворота Варенжанки на запад вблизи Вижлува, дальше шла долиной Себечивки и в районе современного Червонограда пересекала Западный Буг, на правом берегу которого от Бужской волости исследуемый регион отделяла широкая полоса лесов и болот. Восточной предел Всеволожской волости проводим от истоков Белостока и далее по водоразделу между правыми притоками Буга и Судыловкой (бассейн Стыра). Земли левобережья верхнего Надстырья в княжескую эпоху занимала Перемильская волость, принадлежавшая луцким князьям, владения которых сформировались в бассейне Стыра и Иквы⁶³. Итак, по нашим подсчетам, площадь территории Всеволожской волости в реконструированных границах достигала 1100 кв. км (рис. 1).

⁶⁰ Там же. С. 90–96; Крикун М. Адміністративно-територіальний устрій Правобережної України в XV–XVIII ст.: кордони воєводства у світлі джерел. К., 1993. С. 52–53.

⁶¹ Zbiór dokumentów malopolskich. Cz. IV. № 1109. S. 273–274.

⁶² Matricularum Regni Poloniae Summaria... Pars IV. Vol. III. № 691. P. 387.

⁶³ Погоральський Я. Формування території та кордони Белзького князівства // Белз та Белзька земля. Вип. I. С. 62.

***Структура заселения Всеволожской волости
по археологическим источникам: общие замечания***

В географическом отношении исследуемый регион простирается на территории Сокальской гряды⁶⁴, части Волинской лессовой лесостепной возвышенности и Радеховского природного района⁶⁵, находящегося в области Малого Полесья. Основным источником для изучения системы заселения Всеволожской волости являются результаты археологических исследований, проведенные на двух городищах и семидесяти шести селениях обозначенной территории. Помимо уже упомянутого городища в ур. Замок, в литературе встречаются

⁶⁴ Сокальская гряда занимает большую часть территории исследуемого региона, на севере она очерчена административной границей Львовской и Волинской областей, на юге ее естественными рубежами служат Солокия и Белосток. Минимальные высоты гряды расположены в долине Западного Буга (до 175 м над уровнем моря), который разделяет ее на две почти равные части: западную – Забугскую, и восточную – Тартаковскую. Доминантным природно-территориальным комплексом здесь является лессовой ярус, который занимает примерно 75% площади всего района. Его дополняют лессовой среднетеррасовый и нижнетеррасовый яруса, доля которых составляет соответственно 18 % и 7 % территории. Для лессового яруса присущи водораздельно-волнистые местности с серыми оподзоленными почвами, участками обширных понижений и склонов с оподзоленными черноземами. Среднетеррасовый ярус, который распространен преимущественно на Забугской стороне, характерен местностями второй террасы с близким залеганием грунтовых вод и черноземно-луговыми почвами и местностями третьей террасы, на которых образовались типичные глубокие и неглубокие черноземы, преимущественно малогумусные. Для нижнетеррасового яруса свойственны поймы, преимущественно супесчаные с дерновыми почвами, иногда лугово-болотными, и местности первой террасы, обычно песчаной с дерново-слабоподзолистыми почвами. – Природа Львівської області. Львів, 1972. С. 111–113.

⁶⁵ В структуре Радеховского природного района основную роль играют повышенные маловолнистые местности с перегнойно-карбонатными почвами. Однако важную роль в этом ландшафте составляют заболоченные пониженные местности с торфяниками и заболоченными лугами, которые в целом покрывают почти четверть площади ландшафта. Кроме того, здесь фиксируются равнинные слабодренированные местности с дерново-подзолистыми почвами на песках и супесях, которые занимают более 14 % общей площади. – Природа Львівської області. С. 123.

спорадические упоминания об остатках укреплений в Городыловичах (теперь – территория Ульвивка)⁶⁶, Заставном⁶⁷, Варяже⁶⁸, Бобятине, Хороброве, Торках⁶⁹ и др., сведения, о хронологии которых крайне неопределенны и нуждаются в верификации археологическими исследованиями. Среди перечисленных пунктов можно выделить Варяж, который, по мнению исследователей, мог быть основанным в начале 990-х гг. варяжской дружиной Всеволода Владимировича⁷⁰ или Варяжко, бывшим воеводой Ярополка Святославича⁷¹. Упоминание А. Цинкаловского о городище в Варяже подкрепляется информацией из польских топографических карт 1930-х гг., на которых вблизи западной окраине села (правый берег Варенжанки) зафиксировано характерный топоним «*Horodyszczce Waręskie*». Современные археологические исследования не подтвердили существования на этой территории укреплений, остатки которых, очевидно, были разрушены в результате антропогенных процессов.

Открытые поселения преимущественно изучали в процессе обследований, изредка с шурфованием. Главная заслуга в обнаружении и фиксации большинства из этих пунктов на археологической карте принадлежит Научно-исследовательскому центру «Спасательная археологическая служба» Института археологии НАНУ, сотрудники которого в течение 2004–2011 гг. провели ряд сплошных обследований в Сокальском районе⁷².

⁶⁶ *Свешніков І. К.* Довідник з археології України. Львівська область. К., 1976. С. 23.

⁶⁷ *Антонович В. Б.* Археологическая карта Волынской губернии // Труды XI Археологического съезда в Киеве. М., 1901. Т. 1. С. 65.

⁶⁸ *Cynkowski A.* Materiały do pradžiejów Wołynia i Polesia Wołyńskiego. S. 196.

⁶⁹ *Sokalski B.* Powiat sokalski pod względem... S. 466, 468, 485.

⁷⁰ *Войтович Л.* Княжа доба на Русі... С. 273.

⁷¹ *Мердох Ю.* Всеволод Володимирович – правнук княгині Ольги. С. 50.

⁷² *Осаульчук О., Войцешук Н., Івановський В., Милан Т.* Результати археологічних вишукувань у зоні будівництва нафтопроводу Броди – Пльоцьк (українська частина) у 2003 р. // Археологічні дослідження Львівського уні-

В то же время лишь на нескольких древнерусских селениях (Ромош I, Завишень-Жвирка) проведены стационарные археологические исследования. Многослойное поселение Ромош I изучала на протяжении шести полевых сезонов (1973–1977, 1984 гг.) Западноволынская экспедиция Института археологии АН СССР во главе с В. В. Кропоткиным. Однако материалы славяно-русского горизонта не попали в полной мере в научный оборот за исключением нескольких коротких публикаций⁷³. В полевых отчетах нам также не удалось найти подробного описания планиграфии и конструктивных особенностей обнаруженных на поселении жилищ с печами-каменками XI–XIII вв.⁷⁴. Намного лучше ситуация сложилась с сохранностью результатов исследований могильника X–XIII вв., отделенного от селения «стерильной», то есть незаселенной зоной. В погребальных ямах обнаружено 12 вытнутых труположений с западной ориентацией. Сопроводительный инвентарь преимущественно отсутствует, правда в

верситету. Львів, 2004. Вип. 7. С. 282–309; *Сілаєв О., Білас Н., Остатик Т.* Розвідки в межиріччі Західного Бугу, Веренжанки та Вишні-Себечівки // Наукові студії: Збірник наукових праць / Історико-краєзнавчий музей м. Винники. Львів, 2010. Вип. 3. С. 255–285; *Білас Н., Конопля В., Сілаєв О.* Нові пам'ятки археології на Сокальщині // Наукові студії: Збірник наукових праць / Історико-краєзнавчий музей м. Винники. Львів, 2011. Вип. 4. С. 215–224; *Сілаєв О., Конопля В., Плеханов Ю.* Нові пам'ятки археології на Правобережному Побужжі // Вісник Інституту археології. Львів, 2011. Вип. 6. С. 201–216; *Archeologia doliny polsko-ukraińskiej rzeki Warężanka*. Археологія басейну польсько-української ріки Варенжанки. Zamość, 2011, и др.

⁷³ *Кропоткин В. В.* Раскопки поселения у с. Ромош // АО 1973 г. М., 1974. С. 295; *Кропоткин В. В., Кулаков В. И., Гей А. Н., Панасюк О. А.* Раскопки у с. Ромош // АО 1974 г. М., 1975. С. 301–302; *Кропоткин В. В.* Исследования на Волини // АО 1976 г. М., 1977. С. 314.

⁷⁴ *Кропоткин В. В.* 1) Отчет об археологических исследованиях поселения и могильника у с. Ромош Сокальского района Львовской области в 1975 год // НА ІА НАНУ. № 1975/124. С. 4; 2) Отчет об археологических исследованиях поселения у с. Ромош Сокальского р-на Львовской обл. в 1976 году // НА ІА НАНУ. № 1976/114. С. 1; 3) Отчет об археологических исследованиях поселения у с. Ромош Сокальского района Львовской области в 1977 году // НА ІА НАНУ. № 1977/122. С. 8; 4) Отчет об археологических исследованиях поселения у с. Ромош Сокальского района Львовской области в 1984 году // НА ІА НАНУ. № 1984/93. С. 4, 6.

женских захоронениях найдены бронзовые эсвидные височные кольца, стеклянные бусины и т. д.⁷⁵

На сегодня наиболее изученным памятником древнерусского времени в регионе является многослойное поселение Завишень-Жвирка, на котором в 2006 г. раскрыто 142 м² площади и обнаружено несколько сооружений XI–XII вв. жилого и хозяйственного назначения. Среди них выделяются остатки полуземляночного жилища, размерами 4,3×4,6 м, с глиняной печью в северном углу котлована. Рядом с западным углом этого здания обнаружена еще одна глиняная печь, которая конструктивно входила в комплекс жилья и одновременно была вынесена за его пределы⁷⁶. В заполнении сооружений и в культурном слое обнаружено значительное количество керамического материала конца X–XIII вв., металлические артефакты (ножи, замок и др.), предметы военного снаряжения (наконечники стрел, шпоры, элементы панциря), декоративные изделия и украшения⁷⁷.

Как видим, количество памятников региона, изученных в процессе археологических раскопок, составляет незначительную часть из всех известных науке. Поэтому актуальное состояние археологической карты Всеволожской волости вынуждает нас акцентировать внимание на поселениях, обследованных только поверхностно, что одновременно не является препятствием анализу структуры заселения этой территории.

Историко-археологический анализ поселенческих комплексов предусматривает специфическое поле исследований, которое удачно обозначил З. Кобылинский, сформулировав-

⁷⁵ Кротопкин В. В. 1) Раскопки поселения у с. Ромош. С. 295; 2) Отчет об археологических исследованиях поселения и могильника у с. Ромош Сокальского района Львовской области в 1975 году. С. 2–3; 3) Отчет об археологических исследованиях поселения у с. Ромош Сокальского р-на Львовской обл. в 1976 году. С. 1; 4) Исследования на Воляни. – С. 314; 5) Отчет об археологических исследованиях поселения у с. Ромош Сокальского района Львовской области в 1977 году. С. 8.

⁷⁶ Миян Т., Осаульчук О. Дослідження багатопалубної пам'ятки Завишень-Жвирка у верхів'ях Західного Бугу // Археологічні дослідження у межиріччі Вісли, Дністра та Тиси у 2000–2007 рр. Львів, 2011. С. 161–163.

⁷⁷ Там же. С. 166–167.

ший собственное видение дефиниции «осадничества» или другими словами – структуры заселения. «Осадничество» польский ученый определил как «встраивание длительных структур общественно-культурного пространства в конкретную геосферу – чисто природное или уже антропогенное географическое пространство»⁷⁸. Этот тезис и обусловил русло нашего исследования, теоретико-методологическими основами для которого стали пространственный анализ в археологии (Я. Ходдер, К. Ортон)⁷⁹ и ряд разработок украинских ученых, в частности А. П. Томашевского⁸⁰ и Р. Г. Шишкина⁸¹. В то же время обратим Ваше внимание на то, что наше исследование поселенческих структур Всеволожской волости является скорее показателем состояния археологического изучения региона, нежели полным и объективным отражением исторической реальности.

Распределение поселений Всеволожской волости в пространстве и анализ ближайшего соседства

Одним из важнейших звеньев в характеристике структуры Всеволожской волости является модель распределения населенных пунктов в пространстве⁸², которая определяется

⁷⁸ *Kobyliński Z.* Struktury osadnicze na ziemiach polskich u schyłku starożytności i w początkach wczesnego średniowiecza. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk; Łódź, 1988. S. 11.

⁷⁹ *Hodder I., Orton C.* Spatial Analysis in Archaeology. Cambridge, 1976.

⁸⁰ *Томашевський А. П.* 1) Правобережне Полісся // Село Київської Русі (за матеріалами південноруських земель). К., 2003. С. 4–26; 2) Просторові та палеоекологічні дослідження південноруських земель: результати, нові підходи, перспективи // Археологія і давня історія України. К., 2010. Вип. 1: Проблеми давньоруської та середньовічної археології. С. 174–206.

⁸¹ *Шишкін Р. Г.* Господарсько-екологічна модель черняхівської культури (за матеріалами Середнього Подніпров'я) // Археологія. К., 1999. № 4. С. 129–139.

⁸² В соответствии с географической терминологией существуют три типа распределения поселений в пространстве: сгруппированный, случайный и гексанальный (рассеянный). – *Хаггет П.* География. Синтез современных знаний. М., 1979. С. 405–407.

путем подсчета индекса ближайшего соседства. Анализ ближайшего соседства («nearest-neighbor analysis») в сфере экологических исследований в 1954 г. впервые применили Ф. Кларк и Ф. Эванс⁸³, после чего он получил ряд методологических интерпретаций и в археологической науке⁸⁴.

Согласно модели Кларка-Эванса, индекс ближайшего соседства определяется по формуле: $R = D_{\text{набл.}} / D_{\text{ожд.}}$, где R – индекс ближайшего соседства, $D_{\text{набл.}}$ – среднее расстояние, наблюдаемое между каждым поселением и его ближайшим соседом, а $D_{\text{ожд.}}$ – ожидаемое расстояние между каждым поселением и его ближайшим соседом. Для определения ожидаемого расстояния между ближайшими поселениями использовано еще одну формулу: $D_{\text{ожд.}} = 1/2\sqrt{A}$, где A – плотность населенных пунктов на 1 км².

При помощи компьютерной обработки крупномасштабных карт мы определили гипотетические расстояния между каждым из 78 населенных пунктов Всеволожской волости и его ближайшим соседом. Сумма этих показателей равна 106,45 км, при этом зафиксированное минимальное расстояние составляет 0,2 км, а максимальное – 10,0 км. Итак, среднее наблюдаемое расстояние ($D_{\text{набл.}} = 106,45 / 78 = 1,36$) между двумя ближайшими памятниками составляет 1,36 км. Показатель плотности поселений относительно площади исследуемого региона (примерно 1100 км²) составляет 0,07, а ожидаемое среднее расстояние ($D_{\text{ожд.}} = 1/2\sqrt{0,07} = 1,88$) – 1,88 км. После соответствующих вычислений определился индекс ближайшего соседства (R) – 0,7234. Поскольку R ближе к 1,

⁸³ Clark P. J., Evans F. C. Distance to nearest neighbor as a measure of spatial relationships in populations // *Ecology*. 1954. № 35 (4). P. 445–453.

⁸⁴ Hodder I., Orton C. *Spatial Analysis in Archaeology*. P. 38–51; Rood R. J. *Spatial Analysis in Archaeology: Historical Developments and Modern Applications* // *Lambda Alpha Journal of Man*. 1982. Vol. 14. P. 40–42; Dulnicz M. Niektóre aspekty zastosowania w archeologii geograficznych metod analizy przestrzennej osadnictwa // *Kwartalnik Historii Kultury Materialnej*. Warszawa, 1983. № 3. S. 299–315; Kobyliński Z. *Podstawowe metody analizy punktowych układów przestrzennych* // *Archeologia Polski*. Warszawa, 1987. T. XXXII. S. 21–54.

нежели к 0, то это указывает на случайное распределение поселений в пространстве⁸⁵. То есть, выбор места для поселения обусловливался лишь природными факторами, фактор близости других населенных пунктов, наличия развитой сети коммуникаций и внутреннего рынка был не столько важным⁸⁶. Следует отметить, что четкая взаимозависимость между природными условиями и пространственным распределением поселений прослеживается также в соседней Подгорайской волости, где индекс ближайшего соседства составил 0,6417⁸⁷.

Помимо данных приведенных выше, на территории Всеволожской волости можно выделить и другие тенденции в расселении, которые, прежде всего, проявляются в так называемой «цепочечной» модели. Согласно концепции Р. Г. Шишкина, для этой системы характерны памятники, расположенные по берегам средних и малых рек, которые на некоторых отрезках образуют некую «цепочку» из нескольких поселений. Обычно такие памятники расположены компактными группами на небольших по площади территориях количеством от трех до шести – семи в каждой⁸⁸. Примером очерченной «цепочки» могут быть селения правого берега Варенжанки, средний интервал между которыми не превышает 0,6 км. Такие же тенденции репрезентируют поселения недалеко от устья Белостока (Комаров III, Комаров V, Комаров X III, Волица III и др.⁸⁹), расположенные в двух группах с рас-

⁸⁵ *Kintigh K. W.* Intrasite Spatial Analysis: A Commentary on Major Methods // Mathematics and Information Science in Archaeology. Studies in Modern Archaeology Vol. 3. Holois; Bonn, 1990. P. 167.

⁸⁶ *Петрашенко В. О.* Лісостепова зона // Село Київської Русі... С. 57.

⁸⁷ *Ляска В.* 1) Підгорайська волость... С. 128; 2) Districtus Podhorayensis... С. 131.

⁸⁸ *Шишкін Р. Г.* Господарсько-екологічна модель черняхівської культури... С. 130–131.

⁸⁹ *Бугай П., Войнаровський В., Конопля В.* Пам'ятки археології Комарева та Волиці (Сокальщина) (Археологічні джерела Львівщини. Вип. 4). Львів, 2009. С. 7–9; *Осаульчук О., Сілаєв О.* Звіт про результати археологічної експертизи земельних ділянок на території Львівської області у 2007 р. // Науковий архів НДЦ «Рятівна археологічна служба» ІА НАНУ. Ф.1. Спр. 89. С. 44–45.

стоянием 1 км друг от друга. Похожую модель размещения населенных пунктов наблюдаем также на территории Подгорайской волости, в частности в долине среднего течения Думны⁹⁰.

Ранжирование поселений Всеволожской волости по площади культурного слоя

Как справедливо указывает А. П. Томашевский, для рассмотрения иерархических связей звеньев системы заселения важную роль играет количественный анализ размеров площадей распространения культурного слоя зафиксированных поселений⁹¹. Такую дифференциацию поселений – ранжирование одним из первых в 1913 г. обосновал немецкий географ Ф. Ауэрбах. Он заметил, что если разместить населенные пункты по их размеру (1-й, 2-й, 3-й ...), то численность их населения в ряде случаев совпадает с его номером. То есть, население n-го пункта составляет 1/n числа жителей самого значительного в регионе поселения⁹². В археологических исследованиях в основном применяется модифицированная схема расчета рангов населенных пунктов, предложенная Я. Ходдером⁹³, согласно которой критерием для ранжирования выступает площадь поселений. Последняя определяется с помощью формулы $S_r = S_1/R$, где S_r – площадь поселения соответствующего ранга, S_1 – площадь наибольшего населенного пункта, а R – ранг этого поселения в последовательности аналогичных объектов исследуемого региона.

В нашем случае, при отсутствии информации показателей площади большей части поселений, мы не можем провести

⁹⁰ Ляска В. 1) Підгорайська волость... С. 129; 2) Districtus Podhorayensis... С. 131.

⁹¹ Томашевський А. П. Правобережне Полісся. С. 9.

⁹² Хаггет П. География. Синтез современных знаний. С. 410.

⁹³ Hodder I., Orton C. Spatial Analysis in Archaeology. P. 69–73; Hodder I. Some new directions in spatial analysis of archaeological data at the regional scale (macro) // Spatial archaeology. London; New York, 1977. P. 236–246.

ранжирование в полном объеме. Подходящими для такого анализа оказались лишь 29 памятников из 78 имеющихся на исследуемой территории. То есть мы можем оперировать информацией только о 37 % населенных пунктов от их общего числа. Нужно признать, что анализ площадей поселений, опирающийся на такие скупые статистические показатели, не в полной мере отражает очерченный аспект поселенческих структур Всеволожской волости. В то же время эта выборка освещает те вероятные тенденции в распределении средневековых пунктов по размерам, которые мы не вправе игнорировать.

Согласно имеющемуся источникам, мы выделили десять рангов поселений по площади (S): 1) S – 19,0 га; 2) S – 16,2 га; 3) S – 10,2 га; 4) S – 8,0 га; 5) S – 6,5 га; 6) S – 4,5 га; 7) S – 3,5 га; 8) S – 2,5 га; 9) S – 1,5 га; 10) S – 0,5 га. На основе анализа размеров поселений были построены графики теоретического и действительного распределения рангов поселений. Сопоставление этих графиков показывает, что действительное распределение рангов довольно сильно отличается от теоретического. Только на уровне 6–7 рангов кривые приближаются друг к другу, а на уровне 8–9 ранга они пересекаются (рис. 3). Такая ситуация указывает на то, что реальные показатели площадей крупных и средних поселений являются большими чем аналогичные теоретические данные. Действительные и теоретические размеры малых поселений совпадают на показателе 2,5 га, однако в реальности на территории исследуемого региона существовали и меньшие поселения, площадью 0,5–1,5 га, чем в теоретической модели.

В процессе анализа графика действительного распределения рангов видно, что кривая делится на три отрезка, которые, очевидно, указывают на три типа поселений.

К первому типу относим два поселения 1–2 рангов, которые характеризуются площадью 16,2–19,0 га (Тартаков II, Войславичи I). Второй тип характеризуется наличием шести пунктов 3–5 рангов, площадь которых колеблется в пределах 6,0–10,2 га (Завишень-Жвирка, Комаров XIII, Шихтари IV, Шпиколосы I, Збоевская I и Збоевская II). К третьему типу

принадлежат селения 6–10 рангов, площадь которых составляет 0,5–4,5 га (Литовеж I, Себечев IV, Роятин I и др.).

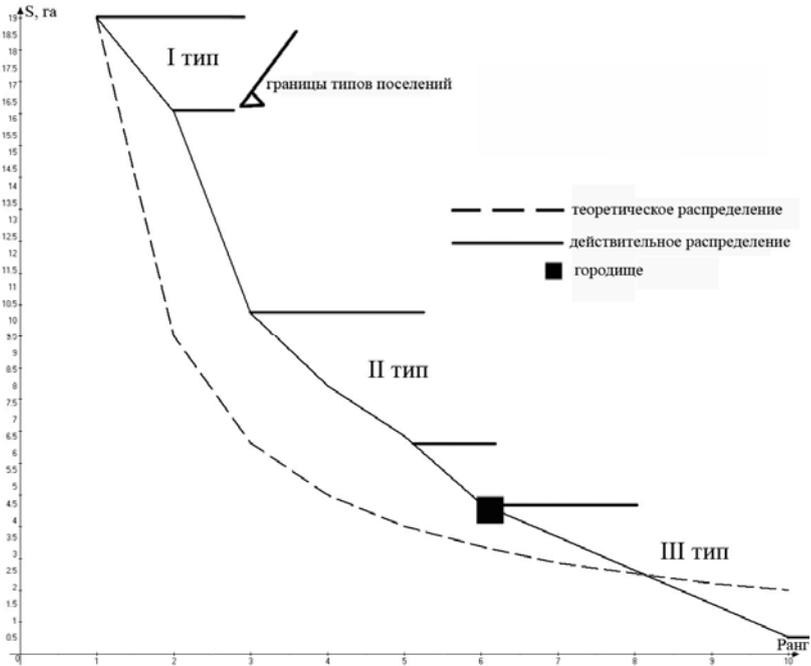

Рис. 3. График теоретического и действительного распределения рангов поселений.

Количественное и процентное распределение типов поселений по площади (рис. 4) выглядит следующим образом:

- I тип – 2 поселения или 7%;
- II тип – 6 поселений или 21 %;
- III тип – 20 поселений или 72 %.

Как мы видим, на территории Всеволожской волости доминировали поселения, площадью 0,5–4,5 га, тогда как доля пунктов, размерами более 4,5 га, не представляет и трети от всех проанализированных объектов. При этом отметим, что размеры большинства поселений на всей территории Руси ко-

лебались в пределах 0,5–2,0 га⁹⁴, похожая ситуация прослежена на южнорусских землях, в том числе на Правобережном Полесье, где количество поселений, площадью до 5 га, насчитывало 92 %⁹⁵. Что интересно, на территории Подгорайской волости доминировали поселения с площадью 0,15–1,0 га, а максимальные размеры населенных пунктов не превышали 6 га⁹⁶.

Приведенные количественные показатели подтверждают тезис некоторых исследователей (В.В. Седова⁹⁷, Я. Г. Риера⁹⁸) о постепенном уменьшении площади поселков на восточнославянских землях в XI–XIII вв. Одновременно, на территории Всеволожской волости фиксируется несколько крупных поселений с довольно широкой хронологией, площадь которых колеблется в пределах 6,0–19,0 га. В этом русле, уместным выглядит мнение П. П. Толочко о возможном возникновении крупных поселков древнерусского времени еще в IX – начале XI вв. и их дальнейшем функционировании в XII–XIII вв.⁹⁹ Отметим также, что подобные взгляды высказала и Т. Н. Никольская в своем исследовании сельских поселений бассейна верхней и средней Оки¹⁰⁰.

Согласно наблюдениям И. П. Возного, площадь средне-статистической крестьянской усадьбы на неукрепленных поселениях древнерусского эпохи составляла около 0,20–

⁹⁴ Куза А. В. Неукрепленные поселения // Археология СССР. М., 1985. Т. 15. С. 99–100.

⁹⁵ Томашевський А. П. Правобережне Полісся. С. 17.

⁹⁶ Ляска В. 1) Підгорайська волость... С. 132; 2) Districtus Podhorayensis... С. 133.

⁹⁷ Седов В. В. Сельские поселения центральных районов... С. 23.

⁹⁸ Риер Я. Г. Археология средневековой европейской деревни: общие черты и региональные особенности. Могилев, 2008. С. 28–29.

⁹⁹ Толочко П. П. Древнерусский феодальный город. К., 1989. С. 91. В этом контексте довольно интересна гипотеза В. В. Седова, который предложил классифицировать такие крупные поселения как погосты, где рядом с земледельческим населением проживали сельские ремесленники и, возможно, представители княжеской администрации. – Седов В. В. Сельские поселения центральных районов... С. 24.

¹⁰⁰ Никольская Т. Н. Сельские поселения земли вятичей // КСИА АН СССР. М., 1977. Вып. 150. С. 7.

0,25 га¹⁰¹, а показатель среднестатистического размера детной семьи этого же времени составляет 6,31¹⁰². Опираясь на эти данные, с большой долей условности можем предположить, что большинство проанализированных поселений (площадью 0,5–4,5 га) Всеволожской волости состояло из 2–16 усадеб, в которых проживало от 12 до 100 человек разного возраста. В общем, приведенные показатели подтверждают мнение А. В. Кузы, который считал, что на поселении, площадью 1,5 га, могло располагаться 5–7 дворов с населением в пределах 25–45 человек¹⁰³. Похожие тенденции зафиксированы на сельских поселениях северо-западных и северо-восточных земель Руси, где доминировали населенные пункты, состоящие из 3–6 дворов (70 %) и с 7–12 дворов (30 %)¹⁰⁴.

Впрочем, предложенные нами расчеты, основанные на результатах полевых разведок и с учетом показателей площади лишь части поселений, не являются абсолютными и, безусловно, должны дожидаться верификации результатами археологических исследований.

Топографическое расположение памятников исследуемого региона

Весомую роль для характеристики структуры заселения Всеволожской волости имеет подробное рассмотрение микро-топографии памятников на ее территории. За основу нашего анализа взята типологию поселений по критерию топографи-

¹⁰¹ Возний І. П. Історико-культурний розвиток населення межиріччя Верхнього Сірегу та Середнього Дністра в Х–XIV ст.: автореф. дис... доктора іст. наук. К., 2008. С. 31.

¹⁰² См.: Козюба В. К. Історико-демографічна характеристика давньоруської сім'ї (за матеріалами історичних та археологічних джерел) // Археологія. К., 2001. № 1. С. 29–41.

¹⁰³ Куза А. В. Неукрепленные поселения. С. 99–100.

¹⁰⁴ Фехнер М. В. Заключение (деревня Северо-Западной и Северо-Восточной Руси X–XIII вв. по археологическим данным) // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. Труды Государственного Исторического Музея. Вып. 43. М., 1967. С. 278.

ческого положения, разработанную А. П. Томашевским¹⁰⁵. Имеющиеся источники позволяют рассмотреть топографические условия расположения 59 памятников, то есть 76 % от их общего количества в регионе.

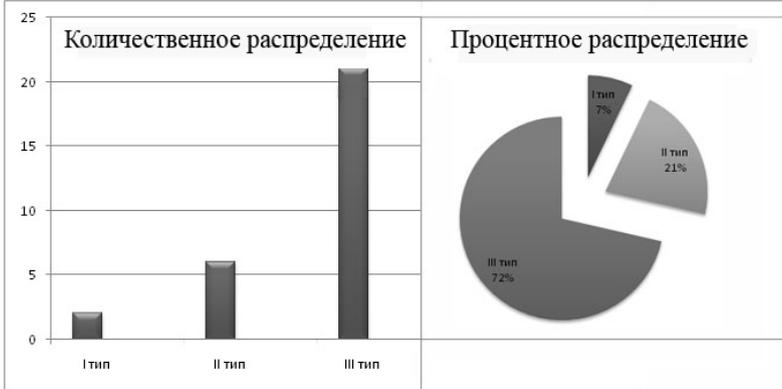

Рис. 4. Количественное и процентное распределение поселений по площади распространения культурного слоя.

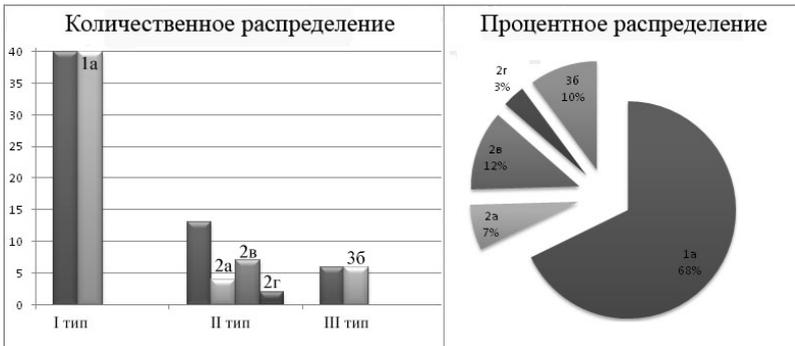

Рис. 5. Топографическое расположение памятников. Количественное и процентное распределение.

Как видно из статистических вычислений (рис. 5), на обозначенной территории доминирует террасный тип топографи-

¹⁰⁵ Томашевский А. П. Правобережье Полісся. С. 17–18. Рис. 4.

ческого расположения, характеризующийся локализацией поселений на приречных, топографически не отделенных от окружающего рельефа, участках (вариант *1а*). К этой категории относим 40 объектов или 68 % от всех проанализированных памятников. Примером такого варианта топографического размещения является поселение, площадью 8,5 га, Шпиколосы I, которое расположено на первой надпойменной террасе левого берега р. Спасовка на высоте 11–15 м над уровнем поймы¹⁰⁶.

К мысовому и пойменному типу топографического расположения принадлежит значительно меньшее количество поселений. К категории мысовых нужно отнести 13 памятников (около 22 % от общего количества проанализированных объектов). В свою очередь поселения этого типа делятся на несколько вариантов. Первым из них является вариант *2а* (4 поселения), к которому относятся населенные пункты, расположенные на мысах, образовавшихся при впадении ручья в большую водную артерию. К примеру, поселение Савчин III размещено на средней и верхней частях склона мысоподобного берега в месте слияния рек Вишня и Себечивка¹⁰⁷. Другой вариант топографического расположения (*2в*) представляют 7 поселений (Жвирка IV, Добрячин III, Завишень-Жвирка и др.), расположенные на коренном выступлении берега над поймой реки. Единичные памятники (Литовеж I, Шихтари V) локализованы на мысах, образованных изгибом русла реки (вариант *2г*). Например, селение Шихтари V занимает вершину и южный склон высокого холма, который в виде длинного мыса вытянут на восток и с трех сторон окружен течением Варенжанки¹⁰⁸.

Пойменный тип топографического расположения памятников (вариант *3б*) характеризуют поселения, размещенные на дюнах и холмах в пойменных долинах рек. К категории пой-

¹⁰⁶ *Осаульчук О., Войцещук Н., Ивановський В., Милян Т.* Результати археологічних вишукувань... С. 288.

¹⁰⁷ *Сілаєв О., Білас Н., Остапик Т.* Розвідки в межиріччі Західного Бугу... С. 261–262.

¹⁰⁸ Там же... С. 270–272.

менных принадлежит 6 пунктов (10 % от общего количества проанализированных объектов). Обозначенный вариант ярко иллюстрирует микротопография селения Нисмичи II, которое расположено на возвышении среди заболоченной поймы Варежанки на высоте 0,5–5 м над уровнем долины¹⁰⁹.

Одним из важных элементов в анализе топографии населенных пунктов является экспозиция склона, которая в значительной степени влияет на почвенный покров, климатический и температурный режимы и влажность конкретных микроландшафтов. Собранные материалы дают нам возможность проанализировать с этой точки зрения 47 поселений или 60 % от всех известных пунктов в исследуемом регионе. Наиболее оптимальными для заселения были южные склоны с вариантами отклонений на юго-запад и юго-восток, на которых зафиксировано 20 поселков (Нисмичи III Добрячин II, Роятин I и др.). Другую многочисленную группу из 13 единиц составляют поселения с северной экспозицией склона с отклонениями на северо-запад и северо-восток (Тартаков I, Бережное III Шпиколосы I и др.). Кроме того, довольно часто заселялись западные (11 пунктов, среди которых Угринов V, Ниновичи V, Мирновка I и др.) и восточные (Нисмичи II, Ниновичи IV, Лубневка XI) склоны холмов. Доминирование южной экспозиции селений связано с тем, что такие местности получают солнечные лучи, приближающиеся к прямым, и соответственно создаются благоприятные условия для жизнедеятельности и ведения хозяйства.

Итак, как свидетельствуют статистические вычисления, на территории Всеволожской волости доминировал террасный тип топографического расположения населенных пунктов (68 %), доля мысовых и пойменных объектов в совокупности едва превышает треть от общего количества проанализированных объектов. Характерно, что выразительное преобладание приречных (террасных) пунктов, в частности, зафиксиро-

¹⁰⁹ Осаульчук О., Войцещук Н., Ивановський В., Милан Т. Результати археологічних вишукувань... С. 286–287.

вано на территории Подгорайской волости¹¹⁰, Пруто-Днестровского междуречья¹¹¹ и Восточной Европы в целом¹¹².

Гидросеть в пространственно-территориальной структуре Всеволожской волости

Неравномерное распределение населенных пунктов Всеволожской волости в пространстве нужно также связывать с побассейновым принципом расселения. Для выяснения корреляции между гидрографическими показателями региона¹¹³ и поселенческими структурами исследуемой территории, считаем целесообразным, использовать методику Р. Г. Шишкина¹¹⁴. В соответствии с ней, наибольшую водную артерию в регионе – Западный Буг принимаем за реку первого порядка, ее непосредственные притоки – за реки второго порядка, притоки этих притоков – за реки третьего порядка и т. д.

Проведенный анализ взаимосвязи расположения поселений и гидросети (рис. 6) позволяет сделать следующие выводы:

1) с рекой первого порядка – Западным Бугом связано 11 поселений (Литовеж I, Ульвивок I, Добрячин II и др.), что со-

¹¹⁰ Ляска В. 1) Підгорайська волость... С. 133–134; 2) Districtus Podhorayensis... С. 134–135.

¹¹¹ Возний І. П. Топографія та типологія відкритих поселень XII–XIV ст. Пруто-Дністровського межиріччя // Археологія. К., 2004. № 2. С. 62.

¹¹² Риер Я. Г. Археология средневековой европейской деревни... С. 18.

¹¹³ По своему режиму реки исследуемого региона принадлежат к типу равнинных, питание смешанное, с преобладанием снегового и дождевого. Ширина речных долин в среднем – 0,5–2 км, их склоны низкие и пологие. Поймы чаще заболоченные, луговые или кустарниковые. Русла рек умеренно извилистые, неразветвленные. Ширина водных артерий в межень – 3–5 м, а на Западном Буге – 40–70 м. Преимущественно глубина рек составляет 0,3–2,5 м, а в пльсах достигает 5–10 м. Средние уклоны рек незначительны, вследствие чего скорость течения также невелика – 0,5–0,6 м / с. – *Стасюк І. І.* Сокальщина. Природа і господарство. Львів, 1999. Режим доступа: <http://www.sokal.lviv.ua/vody.html> (Проверено 10.05.2013).

¹¹⁴ Шишкін Р. Г. Господарсько-екологічна модель черняхівської культури... С. 129.

ставляет 14 % от общего количества исследуемых памятников;

2) к двучленной гидросети принадлежит большинство населенных пунктов Всеволожской волости – 45 (58 %) с выразительной доминантой Варенжанки, на правом берегу которой расположены 30 пунктов. Кроме того, наблюдаются и другие варианты локализации поселений в гидросети такого порядка: Белосток – Западный Буг (6 пунктов, правда все они расположены недалеко от устья Белостока), Спасовка – Западный Буг (3 объекта), Себечивка – Западный Буг (3 селения) и другие непосредственные притоки Западного Буга.

3) к бассейнам рек третьего порядка относим 28 % объектов (22 поселения). Из них наибольшее количество (14 селений) размещены в трехчленной гидросети: ручей – Варенжанка – Западный Буг; остальные же поселения локализованы на берегах безымянных притоков Белостока, Спасовки и др.

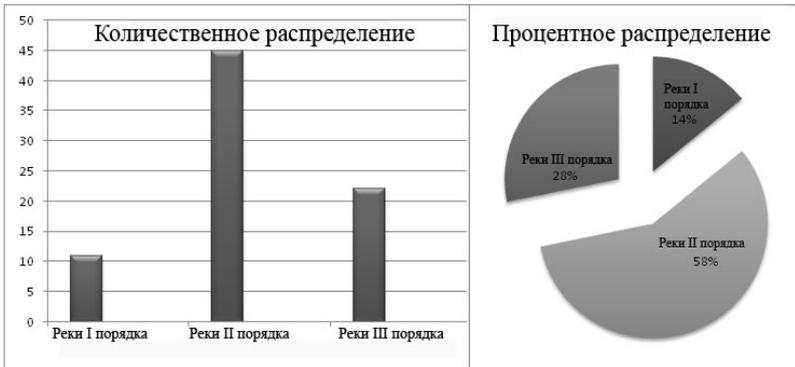

Рис. 6. Гидросеть в расположении поселений. Количественное и процентное распределение.

Таким образом, поселения Всеволожской волости отчетливо тяготеют к двух- и трехчленной гидросети, сердцевиной которой был Западный Буг с притоками. Среди последних благодаря количеству объектов, расположенных в своей долине, выгодно выделяется Варенжанка. В первую очередь такая ситуация вызвана масштабными археологическими обследованиями, проведенными на обозначенной территории. Кро-

ме того, широкие надпойменные террасы и плодородные почвы, характерные для долины этой реки, создавали оптимальные условия для заселения и ведения хозяйственной деятельности. В то же время отсутствие поселений древнерусского времени в четырех- и пятичленной гидросети не дает оснований говорить о «глубокой» внутренней колонизации приречных местностей исследуемого региона. Хотя в определенной степени такую ситуацию можно связывать с природными факторами, а именно с уменьшением густоты гидрографической сети Западного Буга в районе Сокальской гряды¹¹⁵.

Итак, пример комплексного анализа Всеволожской волости еще раз подчеркивает важность интердисциплинарности в исследованиях такого рода, без использования которой на исторической или археологической картах Галицко-Волынского государства и дальше будут размещаться немало *виртуальных* регионов. В то же время мы осознаем, что общий путь археологов и историков в исследованиях поселенческих структур тяжелый и, местами противоречивый, но возможные перспективы таких исследований стоят этих усилий. Иначе мы и в будущем будем оставаться на уровне тех знаний и интерпретаций о территориальной организации Галицко-Волынского государства, которые предложили еще украинские историки первой трети XX в.

Принятые сокращения

НА ІА НАНУ - Научный архив Института археологии национальной Академии Наук Украины

Науковий архів НДЦ «Рятівна археологічна служба»

ІА НАНУ - Научно-исследовательский центр «Спасательная археологическая служба» Института археологии национальной Академии Наук Украины

¹¹⁵ Курганевич Л. П. Еколого-геоморфологічний аналіз басейну Західного Бугу: автореф. дис... канд. географ. наук. Львів, 2001. С. 11.

Автор: Ляска Виталий Михайлович – аспирант кафедри археології и спеціальних отраслей исторической науки Львовского национального университета имени Ивана Франко. Львов, Украина. soler@ukr.net

Литература, использованная в статье

Андріяшев А. М. Очерк истории Волынской земли конца XIV столетия. К., 1887. 233 с.

Андрощук Ф., Чельстрем А. «Се же бысть вторы Иевъ»: болезнь князя Владимира Васильковича и ее библейские параллели // *Ruthenica*. К., 2007. Т. 6. С. 243–258.

Антонович В. Б. Археологическая карта Волынской губернии // Труды XI Археологического съезда в Киеве. М., 1901. Т. 1. 130 с.

Багрий Р., Петегирич В. Скарб срібних виробів княжої доби із Сокаля на Львівщині // *Studia archeologica*. Львів, 1993. Вип. 1. С. 42–44.

Барсов Н. Очерки русской исторической географии. География первоначальной летописи. Варшава, 1873. 179 + LXXV с.

Білас Н., Конопля В., Сілаєв О. Нові пам'ятки археології на Сокальщині // Наукові студії: Збірник наукових праць / Історико-краєзнавчий музей м. Винники. Львів, 2011. Вип. 4. С. 215–224.

Бугай П., Войнаровський В., Конопля В. Пам'ятки археології Комарева та Волиці (Сокальщина) (Археологічні джерела Львівщини Вип. 4). Львів, 2009. 174 с.

Возний І. П. Топографія та типологія відкритих поселень XII–XIV ст. Пруто-Дністровського межиріччя // *Археологія*. К., 2004. № 2. С. 48–67.

Возний І. П. Історико-культурний розвиток населення межиріччя Верхнього Сірету та Середнього Дністра в X–XIV ст.: автореф. дис... доктора іст. наук. К., 2008. 43 с.

Войтович Л. Белзькі князі // Белз та Белзька земля. Белз, 2004. Вип. I. С. 74–77.

Войтович Л. Княжа доба на Русі: портрети еліти. Біла Церква, 2006. 784 с.

Грушевський М. Волынский вопрос 1097–1102 г. // Киевская старина. К., 1891. Т. XXXIII. С. 32–55.

Демчук А. Де лежав літописний Всеволож // Записки наукового товариства імені Шевченка. Праці Історико-філософської секції. Львів, 1991. Т. CCXXII. С. 304–307.

Дубов И. В. К проблеме «переноса» городов в Древней Руси // Генезис и развитие феодализма в России. Л., 1983. С. 70–82.

Іванов И. П. Историческая судьбы Волынской земли с древнейших времен до конца XIV века. Одесса, 1895. 317 с.

Книш Я. До питання про локалізацію Всеволожа-Севоложа // Галицько-Волинська держава: передумови виникнення, історія, культура, традиції:

тези доповідей та повідомлень міжнар. наук. конф., Галич, 19–21 серпня 1993 р. Львів, 1993. С. 103–105.

Козюба В. К. Історико-демографічна характеристика давньоруської сім'ї (за матеріалами історичних та археологічних джерел) // Археологія. К., 2001. № 1. С. 29–41.

Коструба Т. Белз і Белзька земля від найдавніших часів до 1772 року. Нью-Йорк; Торонто, 1989. 165 с.

Коструба Т. Всеволож і Всеволозька волость // Записки наукового товариства імені Шевченка. Праці Історико-філософської секції. Львів, 1991. Т. ССХХІІ. С. 308–312.

Крикун М. Адміністративно-територіальний устрій Правобережної України в XV–XVIII ст.: кордони воєводств у світлі джерел. К., 1993. 186 с.

Кропоткин В. В. Раскопки поселения у с. Ромош // Археологические открытия 1973 г. М., 1974. С. 295.

Кропоткин В. В. Отчет об археологических исследованиях поселения и могильника у с. Ромош Сокальского района Львовской области в 1975 году // НА ІА НАНУ (Научный архив Института археологии национальной Академии Наук Украины). № 1975/124. 8 с.

Кропоткин В. В. Отчет об археологических исследованиях поселения у с. Ромош Сокальского р-на Львовской обл. в 1976 году // НА ІА НАНУ (Научный архив Института археологии национальной Академии Наук Украины). № 1976/114. 45 с.

Кропоткин В. В. Исследования на Волыни // Археологические открытия 1976 г. М., 1977. С. 314.

Кропоткин В. В. Отчет об археологических исследованиях поселения у с. Ромош Сокальского района Львовской области в 1977 году // НА ІА НАНУ (Научный архив Института археологии национальной Академии Наук Украины). № 1977/122. 8 с.

Кропоткин В. В. Отчет об археологических исследованиях поселения у с. Ромош Сокальского района Львовской области в 1984 году // НА ІА НАНУ (Научный архив Института археологии национальной Академии Наук Украины). № 1984/93. 122 с.

Кропоткин В. В., Кулаков В. И., Гей А. Н., Панасюк О. А. Раскопки у с. Ромош // Археологические открытия 1974 г. М., 1975. С. 301–302.

Куза А. В. Неукрепленные поселения // Археология СССР. М., 1985. Т. 15. С. 96–104.

Курганевич Л. П. Еколого-геоморфологічний аналіз басейну Західного Бугу: автореф. дис... канд. географ. наук. Львів, 2001. 22 с.

Ляска В. Підгорайська волость: спроба історико-археологічної реконструкції територіальної організації Грядового Побужжя в княжу добу // Археологічні дослідження Львівського університету. Львів, 2012. Вип. 14–15. С. 107–151.

Ляска В. Districtus Podhorayensis: до проблеми територіальної організації Галицько-Волинського порубіжжя у XIII–XIV століттях // Княжа доба: історія і культура. Львів, 2013. Вип. 7. С. 109–136.

Мердуч Ю. Всеволод Володимирович – правнук княгині Ольги // Треті «Ольжині читання». Львів, 2009. С. 47–54.

Милян Т., Осаульчук О. Дослідження багаточислової пам'ятки Завишень-Жвирка у верхів'ях Західного Бугу // Археологічні дослідження у межиріччі Вісли, Дністра та Тиси у 2000–2007 рр. Львів, 2011. С. 160–180.

Никольская Т. Н. Сельские поселения земли вятичей // Краткие сообщения Института археологии АН СССР. М., 1977. Вып. 150. С. 3–10.

Никольская Т. Н. Земля вятичей: к истории заселения бассейна верхней и средней Оки в IX–XIII вв. М., 1981. 296 с.

Осаульчук О., Войцещук Н., Івановський В., Милян Т. Результати археологічних вишукувань у зоні будівництва нафтопроводу Броди – Плоськ (українська частина) у 2003 р // Археологічні дослідження Львівського університету. Львів, 2004. Вип. 7. С. 282–309.

Осаульчук О., Сілаєв О. Звіт про результати археологічної експертизи земельних ділянок на території Львівської області у 2007 р. // Науковий архів НДЦ «Рятивна археологічна служба» ІА НАНУ (Научный архив Научно-исследовательского центра «Спасательная археологическая служба» Института археологии национальной Академии Наук Украины). Ф.1. Спр. 89. 374 с.

Петегирич В. Початки Белза і Буська та формування їх соціально-топографічної структури в X–XIV ст. // Галичина та Волинь у добу середньовіччя. Історичні та культурологічні студії. Львів, 2001. С. 199–209.

Петегирич В. Дві рідкісні знахідки княжої доби із Сокаля на Львівщині // Наукові студії / Історико-краєзнавчий музей м. Винники. Львів, 2011. Вип. 4. С. 254–267.

Петрашенко В. О. Лісостепова зона // Село Київської Русі (за матеріалами південноруських земель). К., 2003. С. 47–62.

Погоральський Я. Формування території та кордони Белзького князівства // Белз та Белзька земля. Белз, 2004. Вип. 1. С. 60–65.

Полное собрание русских летописей. СПб., 1908. Томъ II. Ипатьевская летопись. 937 стб.

Поляков Г. П. Села-замки Древней Руси XI–XIII вв. Брянск, 2005. 83 с.

Попис границъ межи Великого княжства Литовского и Коруны Польское в 1546 г. // Археографический сборникъ документовъ относящихся къ истории Северозападной Руси. Издаваемый при управленіи Виленского учебного округа. Вильна, 1867. Т. I. С. 46–126.

Природа Львівської області. Львів, 1972. 151 с.

Рапов О. М. Княжеские владения на Руси в X – первой половине XI-П века. М., 1977. 300 с.

Раппопорт П. А. Новые данные по исторической географии Вольни // Краткие сообщения Института археологии АН СССР. М., 1964. Вып. 99. С. 54–58.

Раппопорт П. А. Военное зодчество западноруських земель X–XIV вв. // Материалы и исследования по археологии СССР. М., 1967. № 140. 240 с.

Риер Я. Г. Археология средневековой европейской деревни: общие черты и региональные особенности. Могилев, 2008. 112 с.

Свешніков І. К. Довідник з археології України. Львівська область. К., 1976. 95 с.

Седов В. В. Сельские поселения центральных районов Смоленской земли (VIII–XV вв.) // *Материалы и исследования по археологии СССР*. М., 1960. Вып. 92. С. 31. 159 с.

Сілаєв О., Білас Н., Остапик Т. Розвідки в межириччі Західного Бугу, Веренжанки та Вишні-Себечівки // *Наукові студії: Збірник наукових праць / Історико-краєзнавчий музей м. Винники*. Львів, 2010. Вип. 3. С. 255–285.

Сілаєв О., Конопля В., Плеханов Ю. Нові пам'ятки археології на Правобережному Побужжі // *Вісник Інституту археології*. Львів, 2011. Вип. 6. С. 201–216.

Смирнов И. И. Очерки социально-экономических отношений Руси XII–XIII веков. М.; Л., 1963. 365 с.

Стасюк І. І. Сокальщина. Природа і господарство. Львів, 1999. Режим доступу: <http://www.sokal.lviv.ua/vody.html> (Перевірено 10.05.2013).

Толочко П. П. Древнерусский феодальный город. К., 1989. 254 с.

Толочко А. П. Князь в Древней Руси: власть, собственность, идеология. К., 1992. 224 с.

Томашевський А. П. Правобережне Полісся // *Село Київської Русі* (за матеріалами південноруських земель). К., 2003. С. 4–26.

Томашевський А. П. Просторові та палеоекологічні дослідження південноруських земель: результати, нові підходи, перспективи // *Археологія і давня історія України*. К., 2010. Вип. 1: Проблеми давньоруської та середньовічної археології. С. 174–206.

Фехнер М. В. Заключение (деревня Северо-Западной и Северо-Восточной Руси X–XIII вв. по археологическим данным) // *Очерки по истории русской деревни X–XIII вв.* Труды Государственного Исторического музея Вып. 43. М., 1967. С. 275–280.

Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю. Города-государства Древней Руси. Л., 1988. 269 с.

Хаггет П. География. Синтез современных знаний. М., 1979. 684 с.

Чайка Р. Работы у с. Литовеж на Буге // *Археологические открытия 1979 г.* М., 1980. С. 349–350.

Чайка Р. Звіт про археологічні дослідження у верхів'ях Горині, Стиру, Зх. Бугу у 1979 р. // *НА ІА НАНУ* (Научный архив Института археологии национальной Академии Наук Украины). № 2002/100. 17 с.

Чайка Р. Літописне городище Всеволож на Західному Бузі // *Археологічні дослідження на Львівщині*. Львів, 1996. С. 75–77.

Чайка Р. Дослідження літописного городища Всеволож // *Львівський археологічний вісник*. Львів, 1999. Вип. 1. С. 87–90.

Чайка Р. З історії досліджень городища Литовеж // *Галицько-Волинська держава* (матеріали і дослідження). Львів, 1999. С. 63–67.

Шеломенцев-Терський С. В. Військова інфраструктура Волинського князівства в XI–XIV ст.: автореф. дис... доктора істор. наук. Львів, 2011. 36 с.

Шишкін П. Г. Господарсько-екологічна модель черняхівської культури (за матеріалами Середнього Подніпров'я) // Археологія. К., 1999. № 4. С. 129–139.

Akta grodzkie i ziemskie z czasów Rzeczypospolitej Polskiej z archiwum tak zwanego bernardyńskiego we Lwowie w skutek fundacyi śp. Alexandra hr. Stadnickiego. Wyd. staraniem Galicyjskiego Wydziału Krajowego. Lwów, 1872. T. III. 315 s.

Akta grodzkie i ziemskie z czasów Rzeczypospolitej Polskiej z archiwum tak zwanego bernardyńskiego we Lwowie w skutek fundacyi śp. Alexandra hr. Stadnickiego. Wyd. staraniem Galicyjskiego Wydziału Krajowego. Lwów, 1906. T. XIX. 855 s.

Archeologia doliny polsko-ukraińskiej rzeki Warežanka. Archeologia ba-sejny polсько-української ріки Варенжанки. Zamość, 2011. 262 s.

Archiwum ksiąg Lubartowiczów-Sanguszków w Sławucie / wyd. pod kierownictwem Z. L. Radziwińskiego, przy współdziale P. Skobelskiego, B. Gorcza. Lwów, 1887. T. I: 1366–1506. XXIX+204 s.+3 tab.

Archiwum ksiąg Lubartowiczów-Sanguszków w Sławucie / wyd. pod kierownictwem Z. L. Radziwińskiego, przy współdziale P. Skobelskiego, B. Gorcza. Lwów, 1897. T. V: 1513–1547. 456 + CXVI s.

Articuli Vladislao regi Polonie a ducibus Masoviae traditi A. D. 1426 et 1428. Wydał dr. W. Kętrzyński // Monumenta Poloniae historica. Kraków, 1893. T. VI. S. 623–641.

Capitaneatus Sokaliensis // Жерела до історії України-Руси. Описи королівщини в руських землях XVI віку / видані під ред. М. Грушевського. Львів, 1900. Т. III: Люстрації земель Холмської, Белзької і Львівської. С. 218–237.

Clark P. J., Evans F. C. Distance to nearest neighbor as a measure of spatial relationships in populations // Ecology. 1954. № 35 (4). P. 445–453.

Codex diplomaticus Poloniae quo continentur privilegia regum Poloniae, magnorum ducum Litvaniae, bullae pontificum nec non jura a privatis data illustrandis domesticis rebus gestis inservitura / ed. studio et opera L. Ryszczewski, A. Muczkowski. Varsoviae, 1847. T. I. XXII + 367 + LXXII s.

Cynkalowski A. Materiały do pradžiejów Wołynia i Polesia Wołyńskiego. Warszawa, 1961. 271 s. + XXXI tabl.

Dąbkowski P. Podział administracyjny województwa ruskiego i belzkiego w XV wieku. Lwów, 1939. 337 s.

Dulnicz M. Niektóre aspekty zastosowania w archeologii geograficznych metod analizy przestrzennej osadnictwa // Kwartalnik Historii Kultury Materialnej. Warszawa, 1983. № 3. S. 299–315.

Goehrke K. Wüstungsperioden des frühen und hohen Mittelalters in Osteuropa // Jahrbuch für Geschichte Osteuropas. Wiesbaden, 1968. Bd. 16. S. 1–52.

Garba J., Urbański A. Nowe materiały do datowania drewnianych konstrukcji zespołu grodowego «Czerwień» w Czerwnie nad Huczwą // Archeologia Polski Środkowowschodniej. Lublin, 1998. T. III. S. 159–165.

Hermann de Wartberge Chronicon Livoniae / Hrsg. von E. Strehlke // Scriptorum rerum Prussicarum / Hrsg. von Th. Hirsch, M. Töppen, E. Strehlke. Leipzig, 1863. Bd. II. P. 9–178.

Hodder I., Orton C. Spatial Analysis in Archaeology. Cambridge, 1976. 284 p.

Hodder I. Some new directions in spatial analysis of archaeological data at the regional scale (macro) // Spatial archaeology. London; New York, 1977. P. 233–351.

Janeček A. Osadnictwo pogranicza polsko-ruskiego. Województwo Belzkie od schyłku XIV do początku XVII w. Warszawa, 1993. 388 s.

Janeček A. Terytoria i grody Rusi Halickiej w świetle źródeł późnośredniowiecznych // Галицько-Волинська держава: передумови виникнення, історія, культура, традиції. Тези доповідей та повідомлень міжнар. наук. конференції, Галич, 19–21 серпня 1993 р. Львів, 1993. С. 105–108.

Janeček A. Granice a procesy osadnicze: średniowieczna Ruś Halicka w polu interferencji // Początki sąsiedztwa. Pogranicze etniczne polsko-rusko-słowackie w średniowieczu. Materiały z konferencji, Rzeszów, 9–11 V 1995. Rzeszów, 1996. S. 291–299.

Jankuhn H. Wprowadzenie do archeologii osadnictwa (Biblioteka Muzealnictwa i ochrony zabytków). Warszawa, 1983. Seria B. T. LXXIV. 113 s.

Kintigh K. W. Intrasite Spatial Analysis: A Commentary on Major Methods // Mathematics and Information Science in Archaeology. Studies in Modern Archaeology Vol. 3. Holog; Bonn, 1990. P. 165–200.

Kobyliński Z. Podstawowe metody analizy punktowych układów przestrzennych // Archeologia Polski. Warszawa, 1987. T. XXXII. S. 21–54.

Kobyliński Z. Struktury osadnicze na ziemiach polskich u schyłku starożytności i w początkach wczesnego średniowiecza. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk; Łódź, 1988. 240 s.

Kodeks dyplomatyczny Księstwa Mazowieckiego, obejmujący bulle papieżów, przywileje królów polskich i książąt mazowieckich, tudzież nadania tak korporacyj jako i osób prywatnych / wyd. J. T. Lubomirski. Warszawa, 1863. 356 s.

Matricularum Regni Poloniae Summaria, excussis codicibus, qui in Chartophylacio Maximo Varsoviensi asservantur, contextuit indicesque adiecit Teodorus Wierzbowski. Varsoviae, 1915. Pars IV. Vol. III. 440 p.

Poleski J., Krapiec M. Archeological and dendrochronological dating of selected early mediaeval from area of Małopolska // Geochronometria. Gliwice, 2000. P. 19–26.

Polska XVI wieku pod względem geograficzno-statystycznym. Warszawa, 1902. T. VII. Cz. I: Ziemie ruskie. Ruś Czerwona / Opisane przed Aleksandra Jabłonowskiego / Źródła dziejowe. T. XVIII. 406 s.

Rocznik Kujawski. Wydał A. Bielowski // Monumenta Poloniae historica. Lwów, 1878. T. III. S. 204–212.

Rood R. J. Spatial Analysis in Archaeology: Historical Developments and Modern Applications // Lambda Alpha Journal of Man. Wichita, 1982. Vol. 14. P. 21–55.

Rozwałka A. Sieć osadnicza w archidiakonacie lubelskim w średniowieczu. Studium archeologiczno-historyczne. Lublin, 1996. 218 s.

Sochaniewicz K. O kolebce rodu Zamoyskich i Piwach – Prawdzicach na Rusi // Narodziny Zamościa w pracach Kazimierza Sochaniewicza. Opracował, wstępem i bibliografią opatrzył Kazimierz Kowalczyk. Zamość, 2007. S. 25–44.

Sokalski B. Powiat sokalski pod względem geograficznym, etnograficznym, historycznym i ekonomicznym. Lwów, 1899. 491 + XI s.

Volumina Legum. Przedruk zbioru praw staraniem XX. Pijarów w Warszawie, od roku 1732 do roku 1782, wydanego. Petersburg, 1859. T. I. 288+XII s.

Wartołowska Z. Grod czerwieński Sutiejsk na pograniczu polsko-ruskim / Światowit. Warszawa, 1958. T. XXII. 139 s.

Zbior dokumentów małopolskich / Wyd. S. Kuraś. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1974. Cz. IV: Dokumenty z lat 1211–1400. 443 s.

Information about the article

Author: Liaska Vitalii Mikhailovich – postgraduate student of the Department of archeology and special branches of historical science of Ivan Franko National University of Lviv, Lviv, Ukraine. soler@ukr.net

Title: «...земля Божия и твоя и города твои...»: Vsevolozh volost' of prince Vladimir Vasilkovich (historical-archaeological research).

Summary: It is characterized in the article the annalistic Vsevolozh volost' (district) in the Upper Western Bug known in late medieval sources as “districtus Schewlozensis”. Occurrence of Vsevolozh and Vsevolozh volost' on pages of annals is fixed under 1097, 1098, 1287 years. The last recollection definitely concern Vsevolozh volost' to private prince's of Volyn' Vladimir Vasilkovich possession, which passed it to his cousin Mstislav Danylovich under influence as it named in medieval imagination of “devilish” illness – leprosy. On the basis of written sources XIII–XV centuries is examined slowness of traditions of territorial organization of princely time in administrative space of XIV–XV centuries, is considered formation of the territory and reconstructed boundaries of Vsevolozh volost'. Archaeological monuments of investigated region formed the basis of sources for realization of detailed analysis of structure of settling with accent on it's dimensional aspect. First of all the ranks of the settlements according to the area of the spread of the cultural layer and clarified the domination of settling with 0,5–4,5 hectare area in the territory of volost'. After appropriate mathematical deals the index of the nearest neighborhood are defined and is equal 0,7234, which means that selection of place for settlings specify only by natural causes,

factor of closeness other settlements, availability of developed communication system and internal market wasn't taken into consideration. Besides, detailed attention is devoted to differentiation of settlements by type of topographical location, especially preference of terraced type, which is characterized by localization of settlements near the river, topographically not separated from surrounding relief and area. The analysis of correlation between hydrographic indexes and spatially-territorial structure of Vsevolozh volost', pointed at the fact, that settlements of investigated region clearly gravitate towards two- and trinomial hydro chain, the heart of which was Western Bug with tributaries.

Keywords: Vsevolozh, Vsevolozh volost' (district), districtus Schewlozen-sis, territorial organization, structure of the settlement, hillfort, settlement, ranging of the settlements according to the area of the spread of the cultural layer, analysis of the nearest neighborhood, topography, drainage system.

References (transliteration)

Akta grodzkie i ziemskie z czasów Rzeczypospolitej Polskiej z archiwum tak zwanego bernardyńskiego we Lwowie w skutek fundacji śp. Alexandra hr. Stadnickiego. Wyd. staraniem Galicyjskiego Wydziału Krajowego. Lwów, 1872. T. III. 315 s.

Akta grodzkie i ziemskie z czasów Rzeczypospolitej Polskiej z archiwum tak zwanego bernardyńskiego we Lwowie w skutek fundacji śp. Alexandra hr. Stadnickiego. Wyd. staraniem Galicyjskiego Wydziału Krajowego. Lwów, 1906. T. XIX. 855 s.

Andriyashv A. M. Oчерк' istorii Volynskoy zemli kontsa XIV stoletiya [Essay of the history Volyn' land of the late XIV century]. Kiev, 1887. 233 s.

Androschuk F., Chelstrem A. «Се же бысть вторы Иевъ»: bolezn knyazya Vladimira Vasilkovicha i ee bibleyskie paralleli [«It was a new Iev»: the disease of Prince Vladimir Vasilkovich and its biblical parallels], in *Ruthenica*. Kyiv, 2007. T. 6. P. 243–258.

Antonovich' V. B. Arheologicheskaya karta Volyynskoy gubernii [Archaeological Map of the Volyn' province], in *Trudy XI Arheologicheskogo s'ezda v Kieve*. Moskva, 1901. T. 1. 130 s.

Archeologia doliny polsko-ukraińskiej rzeki Warežanka. Археологія басейну польсько-української ріки Варенжанки. Zamość, 2011. 262 s.

Archiwum ksiąg Lubartowiczów-Sanguszków w Sławucie / wyd. pod kierownictwem *Z. L. Radziwińskiego*, przy współdziale P. Skobelskiego, B. Gorcza. Lwów, 1887. T. 1: 1366–1506. XXIX+204 s.+3 tab.

Archiwum ksiąg Lubartowiczów-Sanguszków w Sławucie / wyd. pod kierownictwem *Z. L. Radziwińskiego*, przy współdziale P. Skobelskiego, B. Gorcza. Lwów, 1897. T. V: 1513–1547. 456 + CXVI s.

Articuli Vladislao regi Polonie a ducibus Masoviae traditi A. D. 1426 et 1428. Wyd. dr. *W. Kętrzyński*, in *Monumenta Poloniae historica*. Kraków, 1893. T. VI. P. 623–641.

Bahriy R., Petehyrych V. Skarb sribnykh vyrobiv knyazhoyi doby iz Sokalya na L'vivshchyni [Treasure of silver products of princely ages with the Sokal in Lviv region], in *Studia archeologica*. L'viv, 1993. Vyp. 1. P. 42–44.

Barsov N. Ocherki russkoy istoricheskoy geografii. Geografiya pervonachalnoy letopisi [Essay of Russian historical geography. The geography of initial chronicle]. Varshava: Tipografiya Varshavskogo uchebnogo okruga, 1873. 179 + LXXV s.

Bilas N., Konoplyha V., Silayev O. Novi pam'yatky arkheolohiyi na Sokal'shchyni [New archaeological sites in Sokal district], in *Naukovi studiyi / Istoryko-krayeznavchyy muzey m. Vynnyky*. L'viv: 2011. Vyp. 4. P. 215–224.

Buhay P., Voynarovs'kyy V., Konoplyha V. Pam'yatky arkheolohiyi Komareva ta Volytsi (Sokal'shchyna) [Archaeological sites of Komariv and Volytsya (Sokal district)] (*Arkheolohichni dzherela L'vivshchyny Vyp. 4*). L'viv, 2009. 174 s.

Capitaneatus Sokaliensis, in *Zherela do istoryyi Ukrainy-Rusy*. Opsy korolyvivshchyny v rus'kykh zemlyakh XVI viku / vydani pid red. M. Hrushevs'koho. L'viv, 1900. T. III: Lyustratsyyi zemel' Kholms'koyi, Belz'koyi i L'vivs'koyi. P. 218–237.

Chayka R. Raboty u s. Litovezh na Buge [The Works at the village Litovezh on the Bug], in *Arheologicheskie otkryitiya 1979 g.* Moskva, 1980. P. 349–350.

Chayka R. Zvit pro arkheolohichni doslidzhennya u verkhiv'yakh Horyni, Styru, Zkh. Buhu u 1979 r. [Report on archaeological research in the headwaters Horyn, Stir, Western Bug in 1979], in *Naukovyy arkhiv Instytutu arkheolohiyi Natsional'noyi akademiyi nauk Ukrainy*. № 2002/100. 17 s.

Chayka R. Litopysne horodyshche Vsevolozh na Zakhidnomu Buzi [Annalistic hillfort Vsevolozh on the Western Bug], in *Arkheolohichni doslidzhennya na L'vivshchyni*. L'viv, 1996. P. 75–77.

Chayka R. Doslidzhennya litopysnoho horodyshcha Vsevolozh [Research of the annalistic hillfort Vsevolozh], in *L'vivs'kyy arkheolohichnyy visnyk*. L'viv, 1999. Vyp. 1. P. 87–90.

Chayka R. Z istoriyi doslidzhen' horodyshcha Lytovezh [From the history of research hillfort Lytovezh], in *Halyts'ko-Volyns'ka derzhava (materialy i doslidzhennya)*. L'viv, 1999. P. 63–67.

Clark P. J., Evans F. C. Distance to nearest neighbor as a measure of spatial relationships in populations, in *Ecology*. 1954. № 35 (4). P. 445–453.

Codex diplomaticus Poloniae quo continentur privilegia regum Poloniae, magnorum ducum Litvaniae, bullae pontificum nec non jura a privatis data illustrandis domesticis rebus gestis inservitura / ed. studio et opera L. Ryszczewski, A Muczkowski. Varsoviae: Typis Stanislaw Strąbski, 1847. T. I. XXII + 367 + LXXII s.

Cynkatowski A. Materiały do pradziejów Wołynia i Polesia Wołyńskiego. Warszawa, 1961. 271 s. + XXXI tabl.

Dąbkowski P. Podział administracyjny województwa ruskiego i bełzkiego w XV wieku. Lwów, 1939. 337 s.

Demchuk A. De lezhav litopysnyy Vsevolozh [Where was the chronicle Vsevolozh situated?], in Zapysky naukovoho tovarystva imeni Shevchenka. Pratsi Istoryko-filosofs'koyi sektsiyi. L'viv, 1991. T. CCXXII. P. 304–307.

Dubov I. V. K probleme “perenosa” gorodov v Drevney Rusi [To the problem «transfer» towns in the Old Rus], in Genezis i razvitie feodalizma v Rossii. Leningrad, 1983. P. 70–82.

Dulinicz M. Niektóre aspekty zastosowania w archeologii geograficznych metod analizy przestrzennej osadnictwa, in Kwartalnik Historii Kultury Materialnej. Warszawa, 1983. № 3. P. 299–315.

Fehner M. V. Zaklyuchenie (derevnya Severo-Zapadnoy i Severo-Vostochnoy Rusi X–XIII vv. po arheologicheskim dannym) [Conclusion (the village of North-Western and North-Eastern Rus X–XIII centuries. on archaeological materials)], in Ocherki po istorii russkoy derevni X–XIII vv. / Trudy Gosudarstvennogo Istoricheskogo muzeya. Moskva, 1967. Vyp. 43. P. 275–280.

Froyanov I. Ya., Dvornichenko A. Yu. Goroda-gosudarstva Drevney Rusi [The city-states of Old Rus]. Leningrad, 1988. 269 s.

Goehrke K. Wüstungsperioden des frühen und hohen Mittelalters in Osteuropa, in Jahrbuch für Geschichte Osteuropas. Wiesbaden, 1968. Bd. 16. P. 1–52.

Grushevskiy M. Volynskiy vopros 1097–1102 g. [Question of Volyn 1097–1102 years], in Kievskaya starina. Kiev, 1891. T. XXXIII. P. 32–55.

Gurba J., Urbański A. Nowe materiały do datowania drewnianych konstrukcji zespołu grodowego “Czerwień” w Czermnie nad Huczwą, in Archeologia Polski Środkowoschodniej. Lublin, 1998. T. III. P. 159–165.

Hagget P. Geografiya. Sintez sovremennyih znaniy [Geography. Synthesis of modern knowledge]. Moskva, 1979. 684 s.

Hermani de Wartherge Chronicon Livoniae / Hrsg. von E. Strehlke, in Scriptorum rerum Prussicarum / Hrsg. von Th. Hirsch, M. Töppen, E. Strehlke. Leipzig, 1863. Bd. II. P. 9–178.

Hodder I., Orton C. Spatial Analysis in Archaeology. Cambridge, 1976. 284 p.

Hodder I. Some new directions in spatial analysis of archaeological data at the regional scale (macro), in Spatial archaeology. London; New York, 1977. P. 233–351.

Ivanov I. P. Istoricheskie sudby Volynskoy zemli s drevneyshih vremen do kotsa XIV veka. [Historical destinies of Volyn' land from ancient times to the end of the XIV century]. Odessa, 1895. 317 s.

Janeczek A. Osadnictwo pogranicza polsko-ruskiego. Województwo Bełzkie od schyłku XIV do początku XVII w. Warszawa, 1993. 388 s.

Janeczek A. Terytoria i grody Rusi Halickiej w świetle źródeł późnośredniowiecznych, in Halyts'ko-Volyns'ka derzhava: peredumovy vynyknennya, istoriya, kul'tura, tradytsiyi: tezy dopovidey ta povidomlen' mizhnar. nauk. konf., Halych, 19–21 serpnya 1993 r. L'viv, 1993. P. 105–108.

Janeczek A. Granice a procesy osadnicze: średniowieczna Ruś Halicka w polu interferencji, in Początki sąsiedztwa. Pogranicze etniczne polsko-rusko-

słowackie w średniowieczu. Materiały z konferencji, Rzeszów, 9–11 V 1995. Rzeszów, 1996. P. 291–299.

Jankuhn H. Wprowadzenie do archeologii osadnictwa (Biblioteka Muzealnictwa i ochrony zabytków. Warszawa, 1983. Seria B. T. LXXIV. 113 s.

Kintigh K. W. *Intrasite Spatial Analysis: A Commentary on Major Methods, in Mathematics and Information Science in Archaeology / Studies in Modern Archaeology.* Holos; Bonn, 1990. Vol. 3. P. 165–200.

Kobyliński Z. Podstawowe metody analizy punktowych układów przestrzennych, in *Archeologia Polski.* Warszawa, 1987. T. XXXII. P. 21–54.

Kobyliński Z. Struktury osadnicze na ziemiach polskich u schyłku starożytności i w początkach wczesnego średniowiecza. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk; Łódź, 1988. 240 s.

Kodeks dyplomatyczny Księstwa Mazowieckiego, obejmujący bulle papieżów, przywileje królów polskich i książąt mazowieckich, tudzież nadania tak korporacyj jako i osób prywatnych / wyd. J. T. Lubomirski. Warszawa, 1863. 356 s.

Knysh Ya. Do pytannya pro lokalizatsiyu Vsevolozha-Sevolozha [To the question of localization of Vsevolozh-Sevolozh], in *Halyts'ko-Volyns'ka derzhava.* 1993. P. 103–105.

Kozyuba V. K. Istoryko-demohrafichna kharakterystyka дав'орус'кoyi sim'yi (za materialamy istorychnykh ta arkeolohichnykh dzherel) [Historical and demographic characteristics of the family of Old Rus (based on historical and archaeological sources)], in *Arkeolohiya.* Kyiv, 2001. № 1. P. 29–41.

Kostruba T. Belz i Belz'ka zemlya vid naydavnishykh chasiv do 1772 roku [Belz and land of Belz from ancient times to 1772]. N'yu-York; Toronto, 1989. 165 s.

Kostruba T. Vsevolozh i Vsevoloz'ka volost' [Vsevolozh and Vsevolozh volost'], in *Zapysky naukovoho tovarystva imeni Shevchenka.* T. CCXXII. P. 308–312.

Krykun M. Administratyvno-terytorial'nyy ustriy Pravoberezhnoyi Ukrainy v XV–XVIII st.: kordony voyevodstv u svitli dzherel [Administrative and territorial structure of the Right-Bank Ukraine in the XV–XVIII centuries: borders of voivodships in the light of sources]. Kyiv, 1993. 186 s.

Kropotkin V. V. Raskopki poseleniya u s. Romosh [The excavations the settlement near the village Romosh], in *Arheologicheskie otkrytiya 1973 g.* Moskva: Institut arheologii Akademii nauk SSSR, 1974. P. 295.

Kropotkin V. V. Otchet ob arheologicheskikh issledovaniyah poseleniya i mogilnika u s. Romosh Sokalskogo rayona Lvovskoy oblasti v 1975 godu [Report on archaeological investigations of settlement and burial ground near the village of Romosh, Sokal district, Lviv region in 1975], in *Naukovyy arkhiv Instytutu arkeolohiyi Natsional'noyi akademiyi nauk Ukrainy.* № 1975/124. 8 s.

Kropotkin V. V. Otchet ob arheologicheskikh issledovaniyah poseleniya u s. Romosh Sokalskogo rayona Lvovskoy oblasti v 1976 godu [Report on archaeological investigations of settlement near the village of Romosh, Sokal district,

Lviv region in 1976], in *Naukovyy arkhiv Instytutu arkheolohiyi Natsional'noyi akademiyi nauk Ukrayiny*. № 1976/114. 45 s.

Kropotkin V. V. Issledovaniya na Volyini [Investigations in Volyn'], in *Arheologicheskie otkrytiya 1976 g.* Moskva: Institut arheologii Akademii nauk SSSR, 1977. S. 314.

Kropotkin V. V. Otchet ob arheologicheskikh issledovaniyakh poseleniya u s. Romosh Sokalskogo rayona Lvovskoy oblasti v 1977 godu [Report on archaeological investigations of settlement near the village of Romosh, Sokal district, Lviv region in 1977], in *Naukovyy arkhiv Instytutu arkheolohiyi Natsional'noyi akademiyi nauk Ukrayiny*. № 1977/122. 8 s.

Kropotkin V. V. Otchet ob arheologicheskikh issledovaniyakh poseleniya u s. Romosh Sokalskogo rayona Lvovskoy oblasti v 1984 godu [Report on archaeological investigations of settlement near the village of Romosh, Sokal district, Lviv region in 1984], in *Naukovyy arkhiv Instytutu arkheolohiyi Natsional'noyi akademiyi nauk Ukrayiny*. № 1984/93. 122 s.

Kropotkin V. V., Kulakov V. I., Gey A. N., Panasyuk O. A. Raskopki u s. Romosh [The excavations near the village Romosh], in *Arheologicheskie otkrytiya 1974 g.* Moskva, 1975. P. 301–302.

Kuza A. V. Neukreplennyye poseleniya [Unfortified settlements], in *Arheologiya SSSR*. Moskva, 1985. T. 15. P. 96–104.

Kurhanevych L. P. Ekoloho-heomorfolohichnyy analiz baseynu Zakhidnoho Buhu [Ecological-geomorphological analysis of the Western Bug basin]: avtoref. dys... kand. heohraf. nauk. L'viv, 2001. 22 s.

Liaska V. Pidhorays'ka volost': sprobha istoryko-arkheolohichnoyi rekonstruktsiyi terytorial'noyi orhanizatsiyi Hryadovoho Pobuzhzhya v knyazhu dobu [Pidhoraiska volost': an attempt of historical and archaeological reconstruction of territorial shaping of Western Buh ridged hills area in the ages of principalities], in *Arkheolohichni doslidzhennya L'vivs'koho universytetu*. L'viv, 2012. Vyp. 14–15. P. 107–151.

Liaska V. Districtus Podhorayensis: do problemy terytorial'noyi orhanizatsiyi Halyts'ko-Volyns'koho porubizhzhya u XIII–XIV stolittiyakh [Districtus Podhorayensis: to the problem of territorial shaping of Galicia and Volyn' borderland area in the XIII–XIV centuries], in *Knyazha doba: istoriya i kul'tura*. L'viv, 2013. Vyp. 7. P. 109–136.

Matricularum Regni Poloniae Summaria, excussis codicibus, qui in Chartophylacio Maximo Varsoviensi asservantur, contextuit indicesque adiecit Teodorus Wierzbowski. Varsoviae: Typis officinae S. Kowalewski, 1915. Pars IV. Vol. III. 440 p.

Merdukh Yu. Vsevolod Volodymyrovych – pravnukek knyahyni Ol'hy [Vsevolod Volodimirovich – great-grandson of Princess Olga], in *Treti "Ol'zhyni chytannya"*. L'viv, 2009. P. 47–54.

Mylyan T., Osaul'chuk O. Doslidzhennya bahatosharovoyi pam'yatky Zavysheń' – Zhvyrka u verkhiv'yakh Zakhidnoho Buhu [Investigation of multilayer monuments Zavysheń' – Zhvyrka in the headwaters of Western Bug],

in Arkheolohichni doslidzhennya u mezhyrichchi Visly, Dnistra ta Tysy u 2000–2007 rr. L'viv, 2011. P. 160–180.

Nikolskaya T. N. Selskie poseleniya zemli vyatichey [Rural settlements of the land of Vyaticians], in *Kratkie soobscheniya Instituta arheologii Akademii nauk SSSR*. Moskva, 1977. Vyp. 150. P. 3–10.

Nikolskaya T. N. Zemlya vyatichey: k istorii zaseleniya basseyna verhney i sredney Oki v IX–XIII vv. [The land of Vyaticians: to the history of settlement in the upper and middle basin of the Oka in the IX–XIII centuries]. Moskva, 1981. 296 s

Osaul'chuk O., Voytseshchuk N., Ivanovs'kyi V., Mylyan T. Rezul'taty arkheolohichnykh vyshukuvan' u zoni budivnytstva naftoprovodu Brody – Plots'k (ukrayins'ka chastyna) u 2003 r. [Results of archaeological survey in construction zone of oil-pipeline Brody – Plock (Ukrainian section) in 2003], in *Arkheolohichni doslidzhennya L'vivs'koho universytetu*. L'viv, 2004. Vyp. 7. P. 282–309.

Osaul'chuk O., Silayev O. Zvit pro rezul'taty arkheolohichnoyi ekspertyzy zemel'nykh dilyanok na terytoriyi L'vivs'koyi oblasti u 2007 r. [Report on the archaeological expertise of land plots in Lviv region in 2007], in *Naukovyy arkhiv Naukovoho-doslidnoho tsentru “Ryativna arkheolohichna sluzhba” Instytutu arkheolohiyi Natsional'noyi akademiyi nauk Ukrayiny*. 374 s.

Petehyrych V. Pochatky Belza i Bus'ka ta formuvannya yikh sotsial'no-topografichnoyi struktury v X–XIV st. [Beginnings of Belz and Busk and forming their social and topographical structures in X–XIV centuries], in *Halychyna ta Volyn' u dobu seredn'ovichchya. Istorychni ta kul'turolohichni studiyi*. L'viv, 2001. P. 199–209.

Petehyrych V. Dvi ridkisi znakhidky knyazhoyi doby iz Sokalya na L'vivshchyni [Two rare findings of prince's time in Sokal (Lviv region)], in *Naukovi studiyi*. Vyp. 4. P. 254–267.

Petrashenko V. O. Lisostepova zona [The forest-steppe zone], in *Selo Kyyivs'koyi Rusi (za materialamy piddennorus'kykh zemel')*. Kyiv, 2003. P. 47–62.

Pohoral's'kyi Ya. Formuvannya terytoriyi ta kordony Belz'koho knyazivstva [Formation of territory and boundaries principality of Belz], in *Belz ta Belz'ka zemlya. Belz: Derzhavnyy istoryko-kul'turnyy zapovidnyk v misti Belzi*, 2004. Vyp. I. P. 60–65.

Poleski J., Krapiec M. Archeological and dendrochronological dating of selected early mediaeval from area of Małopolska, in *Geochronometria*. Gliwice, 2000. P. 19–26.

Polnoe sobranie russkikh letopisej. [The Complete Collection of Russian Chronicles]. Sankt-Peterburg, 1908. T. II: Ipatevskaya letopis. 937 s.

Polska XVI wieku pod względem geograficzno-statystycznym. Warszawa: Główny skład u Gebethnera i Wolffa, 1902. T. VII. Cz. I: Ziemia ruskie. Ruś Czerwona / Opisane przed Aleksandra Jabłonowskiego / Źródła dziejowe. T. XVIII. 406 s.

Polyakov G. P. Sela-zamki Drevney Rusi XI–XIII vv. [The villages-castles of Old Russia in XI–XIII centuries]. Bryansk, 2005. 83 s.

Popis granits mezhi Velikogo knyazhstva Litovskogo i Korunyi Polskoe v 1546 g., in *Arheograficheskiy sbornik' dokumentov' otnosyaschihsya k' istorii Severozapadnoy Rusi*. Izdavaemyiy pri upravlenii Vilenskogo uchebnago okruga. Vilna, 1867. T. I. P. 46–126.

Pryroda L'vivs'koyi oblasti [The nature of Lviv region] / za red. K. I. Herenchuka. L'viv, 1972. 151 s.

Rapov O. M. Knyazheskie vladeniya na Rusi v X – pervoy polovine XIII veka [The prince's possessions in Russia in the X – the first half of the XIII century]. Moskva, 1977. 300 s.

Rappoport P. A. Novyye dannyye po istoricheskoy geografii Volyni [New evidence on the historical geography of Volyn], in *Kratkie soobshcheniya instituta arheologii Akademii nauk SSSR*. Moskva, 1964. Vyp. 99. P. 54–58.

Rappoport P. A. Voennoe zodchestvo zapadnorusskikh zemel X–XIV vv. [Military architecture of West Russian's lands X–XIV centuries], in *Materialy i issledovaniya po arheologii SSSR*. Moskva, 1967. № 140. 240 s.

Rter Ya. G. Arheologiya srednevekovey evropeyskoy derevni: obschie cherty i regionalnyie osobennosti [Archeology of medieval European village: commonalities and regional particularities]. Mogilev, 2008. 112 s.

Rocznik Kujawski. Wydał *A. Bielowski*, in *Monumenta Poloniae historica*. Lwów, 1878. T. III. P. 204–212.

Rood R. J. Spatial Analysis in Archaeology: Historical Developments and Modern Applications, in *Lambda Alpha Journal of Man*. Wichita, 1982. Vol. 14. P. 21–55.

Rozwalka A. Sieć osadnicza w archidiakonacie lubelskim w średniowieczu. Studium archeologiczno-historyczne. Lublin, 1996. 218 s.

Sedov V. V. Selskie poseleniya tsentralnyih rayonov Smolenskoj zemli (VIII–XV vv.) [Rural settlements of central areas of Smolensk region (VIII–XV centuries)] / *Materialy i issledovaniya po arheologii SSSR*. Moskva, 1960. Vyp. 92. 159 s.

Shelomentsev-Ters'kyy S. V. Viys'kova infrastruktura Volyns'koho knyazivstva v XI–XIV st. [Military Infrastructure of the Volyn Principality in 11–14th centuries]: avtoref. dys... doktora istor. nauk. L'viv, 2011. 36 s.

Shyshkin R. H. Hospodars'ko-ekolohichna model' chernyakhivs'koyi kul'tury (za materialamy Seredn'oho Podniprov'ya) [Economic and ecological model of the cherniakhiv culture (based on the materials of the Middle Dnieper region)], in *Arkheolohiya*. Kyiv], 1999. № 4. P. 129–139.

Silayev O., Bilas N., Ostapyk T. Rozvidky v mezhyrichchi Zakhidnoho Buhu, Verenzhanky ta Vyshni-Sebechivky [Archaeological surveyes along the rivers Western Buh, Varenzhanka, Vyshnia and Sebechivka], in *Naukovi studiyi*. L'viv, 2010. Vyp. 3. P. 255–285.

Silayev O., Konoplya V., Plyekhanov Yu. Novi pam'yatky arkheolohiyi na Pravoberezhnomu Pobuzhzhzi [New archaeological sites on the right side of

Western Buh river], in Visnyk Instytutu arkeolohiyi. L'viv, 2011. Vyp. 6. P. 201–216.

Smirnov I. I. Ocherki sotsialno-ekonomicheskikh otnosheniy Rusi XII–XIII vekov [Essays on the socio-economic relations of Rus XII–XIII centuries]. Moskva; Leningrad, 1963. 365 s.

Sochaniewicz K. O kolebce rodu Zamoyskich i Piwach – Prawdzicach na Rusi, in Narodziny Zamościa w pracach Kazimierza Sochaniewicza. Opracował, wstępem i bibliografią opatrzył Kazimierz Kowalczyk. Zamość, 2007. P. 25–44.

Sokalski B. Powiat sokalski pod względem geograficznym, etnograficznym, historycznym i ekonomicznym. Lwów, 1899. 491 + XI s.

Stasyuk I. I. Sokal'shchyna. Pryroda i gospodarstvo [Sokal Region. Nature and the economy]. L'viv, 1999. [Elektronnyy resurs]. Rezhym dostupu: <http://www.sokal.lviv.ua/vody.html> (10.05.2013).

Syveshnikov I. K. Dovidnyk z arkeolohiyi Ukrayiny. L'viv's'ka oblast' [Handbook of Archaeology Ukraine. Lviv region]. Kyiv, 1976. 95 s.

Tolochko P. P. Drevnerusskiy feodalnyiy gorod [The feudal city of Old Rus]. Kiev, 1989. 254 s.

Tolochko A. P. Knyaz v Drevney Rusi: vlast, sobstvennost, ideologiya [The Prince in Old Rus: power, property, ideology]. Kiev, 1992. 224 s.

Tomashes'kyi A. P. Pravoberezhne Polissya [The right-bank Polesse], in Selo Kyivivs'koyi Rusi. Kyiv, 2003. P. 4–26.

Tomashes'kyi A. P. Prostorovi ta paleoekolohichni doslidzhennya pivdenonoru's'kykh zemel': rezul'taty, novi pidkhody, perspektyvy [Spatial and paleoecological investigations of southern Old Russ lands: results, new ways of looking and outlooks], in Arkeolohiya i davnya istoriya Ukrayiny. Kyiv, 2010. Vyp. 1: Problemy davn'orus'koyi ta seredn'ovichnoyi arkeolohiyi. P. 174–206.

Voitovych L. Belz'ki knyazi [The princes of Belz], in Belz ta Belz'ka zemlya. 2004. Vyp. I. P. 74–77.

Voitovych L. Knyazha doba na Rusi: portrety elity [Princeli era in Rus': the portraits of ruling elites]. Bila Tserkva, 2006. 784 s.

Volumina Legum. Przedruk zbioru praw staraniem XX. Pijarów w Warszawie, od roku 1732 do roku 1782, wydane. Petersburg, 1859. T. I. 288+XII s.

Vozniy I. P. Topohrafiya ta typolohiya vidkrytykh poselen' XII–XIV st. Pruto-Dnistrovs'koho mezhyrichchya [Topography and typology of unfortified settlements of the Prut-Dniester inefluve dating to the XII–XIV centuries], in Arkeolohiya. Kyiv, 2004. № 2. P. 48–67.

Vozniy I. P. Istoryko-kul'turnyy rozvytok nasele'nnyya mezhyrichchya Verkh'n'oho Siretu ta Seredn'oho Dnistra v X–XIV st. [Historical and Cultural Development of Population of the Upper Siret and the Middle Dniester River Area in the X–XIV centuries]: avtoref. dys... doktora ist. nauk. Kyiv, 2008. 43 s.

Wartolowska Z. Grod czerwieński Sutiejsk na pograniczu polsko-ruskim / Swiatowit. Warszawa, 1958. T. XXII. 139 s.

Zbior dokumentow malopolskich / Wyd. S. Kuraś. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1974. Cz. IV: Dokumenty z lat 1211–1400. 443 s.